

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Андрей Заостровцев

**Беларусь:
движение против течения**

Препринт М-81/21

Центр исследований
модернизации

Санкт-Петербург
2021

УДК 327 (470)

ББК 63.4

3-29

3-29 **Заостровцев А. П.**

Беларусь: движение против течения / Андрей Заостровцев : Препринт М-81/21 — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. — 60 с. — (Серия препринтов; М-81/21; Центр исследований модернизации).

В работе рассматривается эволюция белорусского общества, которая шла вразрез с политико-экономическими изменениями в других странах. В 90-е гг. XX в., когда мир был охвачен демократизацией и рыночными реформами, Беларусь быстро перешла к авторитарной форме правления и заморозила экономические реформы, став «неоплановой экономикой». Однако в 2020 г. на фоне упадка демократии во всем мире и отторжения свободного рынка Беларусь делает решительную попытку свергнуть авторитаризм, а общественное мнение настраивается в пользу рыночных преобразований. В препринте проанализированы исторические корни расхождения путей Литвы и Беларуси в XX в., место последней в глобальных рейтингах свободы. Раскрыта природа конфликта между рыночным сектором и сохранившимся государственным.

Информация об авторе: Заостровцев Андрей Павлович — кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге, профессор Научно-исследовательского университета Высшая школа экономики — Санкт-Петербург (zao-and@yandex.ru)

Беларусь: трендам вопреки

Девятого августа 2020 г. в Беларуси проходили очередные, шестые по счету, президентские выборы. И в шестой раз (начиная с 1994 г.) действующий президент — Александр Григорьевич Лукашенко — претендовал на всенародное одобрение его практически абсолютной власти. Обстановка перед выборами складывалась напряженная. Однако мало кто ожидал, что протесты против продления самовластия станут столь длительными (они продолжаются и в январе 2021 г.) и одновременно начнут оформляться альтернативные государственные институты за рубежом страны [Глава МИД... 2021; Тихановская: в интернете... 2021]. Дальнейшее развитие событий предугадать трудно. Осложняет предвидение и Россия как ключевой внешний игрок с его непредсказуемой реакцией на возможное отслоение его протектората де-факто¹. Нельзя и разделять иллюзии о том, что власть Лукашенко «висит на волоске», хотя противодействие ей снизу в обществе продолжается и международные санкции могут усилиться. Беларусь сделала шаг в направлении выхода из россий-

¹ О том, что Беларусь фактически является протекторатом России, говорит не членство в Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Евразийском экономическом сообществе (ЕврАзЭС), и даже не формально действующий Договор о создании Союзного государства (декабрь 1999 г.), а совершенно особые отношения, которые сложились между странами. В геополитических устремлениях России Беларусь занимает исключительное место (возможно, более важное, чем Украина, поскольку Крым от последней отторгнут). По аналогии с известным выражением, характеризовавшим роль Кубы в период противостояния СССР и США, Беларусь можно назвать российским пистолетом, приставленным к брюху Европы. Этим, в частности, объясняется та беспрецедентная по масштабам экономическая поддержка, которая оказывается ей со стороны России. И не только экономическая, но и политическая в самых различных сферах — от международной до внутренней (см. ниже раздел «России “братская любовь”»).

ской силовой цивилизации, но его пока явно недостаточно, чтобы войти в альтернативный социальный порядок правовой цивилизации².

Беларусь — страна-парадокс. В 90-е гг. прошлого века, когда абсолютное большинство бывших социалистических стран Европы продвигалось по пути установления демократических институтов и рыночных реформ, она не удержалась на нем и трех лет. Во второй половине 90-х гг. персональная власть Лукашенко заметно укрепились и консолидировалась — его называли «последним диктатором в Европе» (тогда мало кто мог догадываться, что в XXI в. он не останется в одиночестве в таком качестве). Согласно проекту «Свобода в мире» (“Freedom in the World”), реализуемому неправительственной организацией «Фридом хаус» (Freedom House), в 1992 г. состояние политических прав в стране оценивалось 4 баллами, гражданских — 3 баллами (высшая оценка — 1, низшая — 7); в 1996 г. эти оценки снизились до 6 и оставались таковыми и в 2000 г. В результате страна перешла из категории частично свободных стран в несвободные. В тот же период европейские соседи Беларуси оставались свободными странами и улучшали свои оценки (Польша с 2 баллов по обоим видам прав до 1 балла за политические права при неизменной оценке за гражданские права; Литва с 2 баллов за политические и 3 баллов за гражданские права до 1 и 2 баллов соответственно). Даже Россия тогда сумела удержаться в категории частично свободных стран: в 1992–1997 гг. она получала 3 балла за политические и 4 балла за гражданские права, снизив обе оценки до 5 в 2000 г. Беларусь же в 2000 г. уступала немного и Казахстану, где гражданские права оценивались в 5 баллов [Freedom in the World 2020]. Можно сказать, что начиная с 1996 г. она по уровню политических и гражданских свобод могла быть отнесена к группе стран, которые автор препринта именуется постсоветскими султанатами (Азербайджан, Казахстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан (далее — АКТТУ))³.

² В книге «Полемика о модернизации: общая дорога или особые пути?» автор разделил глобальные общественные порядки на силовую (базирующуюся на слиянии власти и собственности) и правовую (основанную на их разделении) цивилизации. При этом не исключил возможности для той или иной страны межцивилизационного перехода в силу определенного сочетания ряда так называемых критических моментов (*critical junctures*) [Заостровцев 2020]. Беларусь даже раньше, чем Россия, стала формировать неосоциалистический порядок, построенный на власти-собственности [СССР... 2007: 78–120].

³ Кыргызстан не включен в эту группу по причине высокой политической нестабильности, которая не дает конкретным политическим акторам закрепиться на вершине властной иерархии на сколько-нибудь длительный срок.

Страна сделала очень мало и в области экономических реформ. В 1999 г. Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) подводил итог десятилетию экономических преобразований в бывших социалистических странах (1989–1998). Каждая из стран получала оценки в диапазоне от 1 (отсутствие изменений или минимальные изменения по сравнению с исходным состоянием) до 4+ (достижение стандарта развитых индустриальных стран с рыночной экономикой). Оценки Беларуси были одними из худших, практически на уровне Туркменистана (табл. 1).

Таблица 1. Прогресс в переходных экономических процессах

	Предприятия			Рынки и торговля			Финансовые институты	
	Большая приватизация	Малая приватизация	Управление и реструктуризация	Либерализация цен	Торговля и валютный обмен	Конкурентная политика	Банковская реформа и либерализация процентных ставок	Рынки ценных бумаг и небанковские финансовые институты
Беларусь	1	2	1	2-	1	2	1	2
Польша	3+	4+	3	3+	4+	3	3+	3+
Литва	3+	4+	3-	3	4	2+	3	3-
Россия	3+	4	2-	3-	2+	2+	2-	2-
Украина	2+	3+	2	3	3	2	2	2
Казахстан	3	4	2	3	4	2	2+	2
Туркменистан	2-	2	2-	2	1	1	1	1

Источник: [Transition Report 1999].

Доля частного сектора в ВВП в Беларуси составляла на середину 1999 г. 20 %. По этому показателю она уступала даже Туркменистану (25 %), не говоря уже о других выбранных для сравнения странах: Польша — 65 %, Литва — 70 %, Россия — 70 %, Украина — 55 %, Казахстан — 55 % [Transition Report 1999].

ЕБРР обращал внимание на усиление контроля за ценами в попытках обуздать инфляцию: в мае 1999 г. президентский указ запрещал любое повышение цен, если оно не компенсировано мерами социальной защиты. Он также вводил длинный перечень товаров и услуг, цены которых

подлежат государственному регулированию. Эти меры не помогли борьбе с инфляцией, которая превышала 2 % в месяц. Доступ к иностранной валюте оставался ограниченным, несмотря на унификацию валютного курса. Приватизация крупных предприятий практически остановилась. К середине 1999 г. 40 % коммунальной собственности и только 10 % республиканской собственности, намеченных к приватизации в 1993 г., было приватизировано. Ни одна из 40 фирм, трансформированных в акционерные компании в 1998 г., не была приватизирована. Лишь 40 % приватизационных ваучеров, выпущенных в 1994 г., были обменены на акции предприятий. Согласно законодательству, продажа более чем 50 % акций промышленных предприятий была запрещена, что отталкивало иностранных инвесторов. Президентский указ 1998 г. объявлял собственников и владельцев акций несостоятельных предприятий персонально ответственными за корпоративные долги, уничтожая тем самым принцип ограниченной ответственности. Промышленность управлялась государственными распоряжениями, и в марте 1999 г. 40 % ее продукции за 1998 г. было еще не продано. Высока была и задолженность предприятий (70 % ВВП). Правительство продолжало субсидировать аграрный сектор, представленный в основном крупными государственными коллективными хозяйствами (на 40 % — убыточными). В середине 1999 г. из 28 коммерческих банков крупнейшие шесть, четверо из которых находятся в собственности государства, контролировали 80 % активов банковской системы. Банковский сектор был недокапитализирован, и его платежеспособности угрожали директивные кредиты [Ibid.].

Все эти характеристики сильно недореформированной экономики позволили известному белорусскому экономисту-либертарианцу Ярославу Романчуку (претенденту на пост президента страны на выборах 2010 г.) назвать ее «неоплановой» [цит. по: СССР... 2007: 97 (прим.)]. Что же касается политического устройства и режима правления, то они заслужили названия авторитарных раньше, чем российские аналоги. По оценкам «Фридом хаус», Россия вошла в категорию несвободных стран в 2004 г. (на 8 лет позже Беларуси) [Freedom in the World 2020].

Природа такого положения дел была раскрыта в книге «СССР после распада» [СССР... 2007: 85–86, 119–120]. С одной стороны, в силу специфики белорусской экономики (главные предприятия — конечные звенья производственных цепочек) местная партхозноменклатура справедливо не надеялась приватизировать ренту, поскольку таковой в конкурентной рыночной системе реально не было бы. Эти предприятия по причине отсталости технологий и организации не добавляли сто-

имость, а, напротив, сокращали стоимость обрабатываемых ими сырья, материалов и потребляемой энергии. Выход на мировой рынок им был закрыт по чисто экономическим причинам. Если российская номенклатура вместе с отдельными, наиболее преуспевшими в ходе приватизации нуворишами («олигархами») сравнительно легко могла продвигать топливно-сырьевые товары на мировой рынок и получать от этого огромные выгоды, то в Беларуси ее визави могли сохранить свой привилегированный статус лишь в качестве руководителей государственных предприятий в надежде, что государство их поддержит. Последнее же черпало средства для этой поддержки у России [там же: 101–107]⁴.

В то же время экономика соседних Балтийских стран на момент краха социализма находилась в похожем положении. Разве что масштаб отмеченной выше проблемы был меньше в силу не столь высокой степени индустриализации и привязки к военно-промышленному комплексу СССР. Однако это — чисто количественное различие не могло быть решающей причиной столь глубокого расхождения политико-экономических траекторий. В указанной книге это расхождение объясняется преимущественно недостатком национально-государственной традиции и органически связанного с ней стремления к освобождению из-под власти Москвы [там же: 85–86]. В отличие от литовцев, латышей и эстонцев жители Беларуси в массе своей не только не ощущали себя покоренным, насильно вырванным из своей цивилизационной среды народом, но, напротив, ассоциировали себя с советскими людьми. Если Балтийские страны были под властью СССР, то БССР и была СССР в том смысле, что не отделяла себя от него (не было видения «мы и СССР», было видение «мы — СССР»).

Для того чтобы понять истоки этого контраста, нужно обратиться к истории. Исторические корни разрыва стран Балтии и Беларуси были кратко рассмотрены автором в книге «Полемика о модернизации: общая дорога или особые пути?» [Заостровцев 2020: 187–192, 195–197]. Выберем для сравнения Литву и Беларусь, объединенные, казалось бы, исторически очень длительным пребыванием в одном государстве (Великое княжество Литовское, Речь Посполитая и отчасти Польская Республика,

⁴ Высказывается мнение, что «одним из фронтов номенклатурного сопротивления центру стала борьба против приватизации находящихся на территории Беларуси предприятий союзного подчинения» [Вандея перестройки... 2016]. Однако это не объясняет сохранения доминирования государственного сектора следующие 30 лет.

в состав которой между двумя мировыми войнами входила как современная северо-западная часть Беларуси, так и юго-западная часть Литвы). После Второй мировой войны они в течение 45 лет находились в СССР. Тем не менее их судьбы в конце XX в. разошлись так, что они стали абсолютно не похожи друг на друга.

В институциональной теории истории существует сравнительно молодая концепция критических моментов (*critical junctures*), которая в обобщенном виде впервые была представлена Джованни Капоччиа и Роджером Даниелем Келеменом в 2007 г. [Caroscia, Kelemen 2007]. В дальнейшем Капоччиа развил ее, показав связь критических моментов с институциональными изменениями [Caroscia 2015]. Дэвид Коллиер и Жерардо Мунк определили критический момент как главный эпизод институциональной инновации, порождающий длительное наследие (*legacy*)⁵. Эпизоды эти могут быть самыми различными, но объединяет их то, что они есть результат расхождения или шока. Последствиями являются долгоживущие, стабильные институты с заложенным в них механизмом самовоспроизводства (зависимость от предшествующего пути) [Collier, Munk 2017: 2–3]⁶.

Коллиером–Мунком рассмотрена следующая логическая цепочка: предпосылки → расхождение или шок → критический момент → механизм производства (шаги, последовательность которых создает наследие) → наследие [Ibid.: 3]. Применим эту схему к сравнительному анализу Литвы и Беларуси.

Интересно отметить, что, если отвлечься от второстепенного, первые три звена этой цепочки будут отчасти или даже полностью схожи. В обоих случаях в качестве предпосылки выступает возникающая и развивающаяся национальная идентичность этносов внутри Российской империи. Литовская национальная общность (будем пользоваться современным обозначением; на самом деле это четыре этнические группы: аукштайты, жмуди, земгалы и курши) строилась на основе наиболее распространенного языка (аукштайтского) и католической религии. Белорусская также характеризовалась общим языком (модифицированной

⁵ Критический момент определяется и как «исторический момент, в ходе которого возможны гораздо большие изменения, чем в предшествующий и последующий периоды высокой и часто длительной институциональной стабильности» [Büthe, Jacobs 2017: 1].

⁶ В России зависимость от предшествующего пути (*path dependence*) нередко обозначают термином «эффект колеи». См., например: [Аузан 2015].

ветвью славянского языка, который в своем изначальном виде был официальным языком Великого княжества Литовского, но уступил это место польскому в конце XVII в.). С религией здесь будет несколько сложнее, поскольку данное языковое сообщество людей распределялось между двумя основными конфессиями: православием и униатством. Со временем немало белорусов приняли и католичество.

Что касается второго звена, то тут наблюдается практически полное совпадение: Первая мировая война, Февральская и последовавшая затем большевистская социалистическая революция. Их можно рассматривать как цепочку шоков. Критический момент: провозглашение этнической общностью собственного суверенного национального государства. В этом также наблюдается подобие. Датой провозглашения независимой Литвы считается 16 февраля 1918 г. Белорусская Народная Республика (БНР) провозглашена была чуть позже — 25 марта 1918 г.

Дальше, следуя схеме, должен был вступить в действие механизм производства — превращения эмбрионального государства в устойчивый формальный институт. У Литвы этот период был очень бурным, насыщенным военными столкновениями и политическими потрясениями. Его окончанием можно считать 1922 г. — год принятия Конституции и завершения международного признания страны. От этой точки стартует и последняя составляющая — закрепление и воспроизводство государственных институтов, превращение их в традицию (наследие).

Совсем иной была финальная судьба БНР. Она продержалась всего семь месяцев и пала под натиском большевиков. Таким образом, четвертое звено схемы Коллиера–Мунка в случае Беларуси было разрушено в самом начале пути, выстроить необходимые государственные институты не удалось (не хватило ни времени, ни сил). Большевистские квазигосударственные образования типа Белорусско-Литовской ССР (республика Литбел) в расчет принимать не стоит. Затем Беларусь настигла ее обычная историческая судьба: территория страны превратилась в поле брани. В тот исторический отрезок — между Красной армией и войсками Польской республики. В конечном счете она была поделена между Польшей (Западная Беларусь) и СССР (Восточная Беларусь).

Ненадолго оставим Беларусь, чтобы закончить с трансформацией Литвы. С началом крушения социализма и ослаблением хватки Москвы на рубеже 90-х гг. XX в. она первой среди стран Балтии поставила вопрос о восстановлении своей независимости. Ключевое слово здесь — «восстановление». Самое главное — было что восстанавливать. «Во всех этих новых государствах (имеются в виду государства, отделивши-

еся от Российской империи и не вошедшие в СССР. — А. З.) сохранялось многообразное общество граждански свободных людей, не сокрушенных в своем человеческом достоинстве. Культура, религия практически не ограничивались. Экономическая жизнь, хотя и ставилась в рамки модного тогда корпоративизма (экономического фашизма)... не выводилась из системы рыночных отношений. Валюта была прочной, и границы всех стран оставались открытыми. Авторитарные тенденции в политике ни в одной из стран не перешли в тоталитарную тиранию» [История России... 2017: 307–308]. Согласно Коллиеру–Мунку, это и есть наследие (устоявшиеся, самовоспроизводящиеся институты).

Естественно, что реформирование в 90-х гг. XX в. ориентировалось не только на прошлые межвоенные образцы, но и прежде всего на базовые принципы, положенные в основу Евросоюза. И тем не менее прошлое имеет значение. Оно предопределяло не подлежащий никакому сомнению выбор западного вектора дальнейшего развития, очень сильное и массовое желание вырваться из чуждой коммунистической системы (СССР как институциональной реинкарнации Московии в XX в; автор препринта нередко определяет его как «Московию 2.0») и вернуться в правовую цивилизацию Европы⁷. Для Литвы такое желание было особо ярко выраженным, поскольку Великое княжество Литовское в XVI в. шло в авангарде стран, закладывавших первооснову этой цивилизации [Заостровцев 2020: 157–166, 180]. И в силу сохранения собственного цивилизационно-институционального фундамента в советский период (пусть и в виде неформальных институтов) рыночные и демократические преобразования в Литве, как и в Балтийских странах в целом, были успешными⁸.

⁷ «Оказавшись в 1939–1940 гг. под тоталитарным гнетом, народы Польши и Прибалтики в течение полувека продолжали жаждать освобождения и тосковать об утраченной нормальной жизни межвоенных десятилетий. Ни один из этих народов ни нацисты, ни коммунисты так и не смогли заставить поверить в то, что тоталитарный строй — это их собственная, а не навязанная извне власть» [История России... 2017: 308]. Институты демократии и рыночной экономики не умерли вместе с их формальной ликвидацией, а укоренились как составляющие национальной идентичности в виде неформальных институтов, которые передавались посредством исторической памяти между поколениями. Как увидим далее, именно отсутствие сколько-нибудь прочной институциональной основы западной цивилизации обрекло Беларусь на пребывание в течение многих лет в автократическом режиме, подавляющем не только политические, но и экономические свободы.

⁸ «После войны в результате сильного влияния со стороны СССР они (государства Восточной Европы. — А. З.) оказались вынуждены развивать у себя институты альтернативной общественной системы, противоречащие доминировавшей инсти-

Вернемся теперь к разделенной Беларуси. Начнем с той ее части, которая осталась на Западе, в составе Польши. В 1938 г. в ней проживало 1,4 млн белорусов [История России... 2017: 379]. Они были польскими гражданами, и Польша не признавала за ними никакой автономии. Чем-то их положение напоминало положение курдов в Турции, где их официально считают «горными турками». Преподавание велось исключительно на польском языке. В то же время развивался такой элемент национальной идентичности, как униатское движение, в 1932 г. на территории Западной Беларуси насчитывалось 32 униатских прихода [Голденков 2011: 345]. «Униатские товарищества являлись носителями белорусской культуры и самосознания, при них существовали школы, драмкружки, издавались журналы на белорусском языке» [там же]. После вхождения в СССР по итогам Второй мировой войны униатство, как известно, было ликвидировано и формально присоединено к Русской православной церкви. Это нельзя считать случайностью: оно символически синтезирует Запад и Восток, а главное, признает верховенство Папы Римского, следовательно, никак не вписывается в русскую традицию огосударственного православия (цезарепапизма).

Что касается Восточной Беларуси, то ее положение в качестве союзной республики СССР было весьма специфично. Ей, по всей видимости, предназначалась та же роль, что и созданной сразу после окончания первой Финской войны Карело-Финской ССР (просуществовала до 1956 г.), — некоего объединительного плацдарма в расчете на будущую аннексию территории Польши⁹. Известно, что вторжение в Польшу в 1939 г. осуществлялось под лозунгом освобождения украинцев и белорусов от польских «панов-эксплуататоров» и их воссоединения с братьями не только по классу, но и по национальности на территории СССР.

После заключения мира с Польшей в 1921 г. от Советской Беларуси мало что осталось, и она по 1926 г. включительно расширялась территориально в восточном направлении. В итоге восточная граница была

туциональной матрице в большинстве этих стран. Когда в связи с ликвидацией СССР это влияние ослабло, то восточноевропейские страны смогли относительно быстро восстановить исторически свойственный институциональный порядок» [Кирдина 2014: 228].

⁹ Много лет спустя сталинский глава правительства и министр иностранных дел В. М. Молотов говорил: «Свою задачу как министр иностранных дел я видел в том, чтобы как можно больше расширить пределы нашего Отечества. И кажется, мы со Сталиным неплохо справились с этой задачей» [цит. по: История России... 2017: 337–338].

установлена примерно по границе Речи Посполитой перед первым ее разделом. Игра Москвы в федеративное государство тем не менее имела и положительное значение для развития белорусской культуры. Белорусский язык был признан как самостоятельный, преподавался в школах и вузах, на нем стали создаваться и публиковаться литературные произведения (Янка Купала, Якуб Колас и др.), ставиться театральные спектакли. Зазвучал он и в СМИ.

В то же время в годы сталинских репрессий «массовые убийства в Советской Беларуси включали намеренное уничтожение образованных представителей белорусской национальной культуры. Как позже сформулировал один из коллег Бермана (Борис Берман — нарком внутренних дел БССР в 1937–1938 гг. — А. З.), он “уничтожил цвет белорусской интеллигенции”. Не менее двухсот восемнадцати писателей страны были уничтожены» [Снайдер 2015: 139]. По другим данным, за годы репрессий было арестовано 238 белорусских писателей, из них вернулось домой лишь 20 [Голденков 2011: 390]. Затронула территорию БССР и «польская операция НКВД»: из 19 931 арестованного в ходе ее проведения 17 772 человека были приговорены к смертной казни (среди них были и евреи, и белорусы). Всего же за годы Большого террора число поляков в Советской Беларуси сократилось более чем на 60 000 человек [Снайдер 2015: 140]. В целом же, по оценке историка Игоря Кузнецова, в ней было репрессировано 1,2–1,4 млн человек [Щербаков 2015]. По отношению ко всему населению получается один из самых высоких процентов, если не считать депортированных народов.

В 1939 г. СССР оккупировал и земли Западной Беларуси. Трудно оценить число репрессированных именно на белорусских землях: историки приводят обычно общие цифры по всем захваченным польским территориям, включая Западную Украину. Понятно, что в число репрессированных входили и этнические белорусы, поскольку на этих землях поляки были меньшинством: от воеводства к воеводству они составляли от половины до 1/10 населения [История России... 2017: 380]. Известно, что убийства западнобелорусской интеллигенции совершались в знаменитых Куропатах под Минском [там же: 381].

Сталинские репрессии на отторгнутых землях не были хаотичным процессом: они были сознательно направлены на те слои населения, которые в большей степени, чем другие, являлись носителями социального капитала западной цивилизации. Они предназначались для облегчения так называемой институциональной агрессии: замены институтов правового общества на институты силового социального порядка. Репрессии

объединяют судьбы Беларуси и Балтийских стран, хотя их масштаб в первой больше, а следовательно, влияние на будущее развитие сильнее.

Огромные потери были понесены в ходе Второй мировой войны. Только жертвами нацистского геноцида стали 1 845 000 человек, из них 755 000 — жертвы Холокоста. Если оценить потери этнических белорусов, то они составят 1 077 000 человек, или 15 % от их довоенного числа (по расчетам доктора исторических наук Э. Иоффе) [Погиб... 2012].

В послевоенные годы в республике наблюдался рост населения (с 7 709 000 в 1950 г. до 10 189 000 в 1990 г.). При этом он не сопровождался существенным сокращением доли белорусов в национальной структуре союзной республики. Она в 1990 г. составляла 77,9 %, на втором месте были русские (13,2 %), на третьем — поляки (4,1 %) [Шахотько 2011]. В 1990 г. белорусский язык получает статус государственного. А далее мы наблюдаем очень важное отличие от Литвы. В 1995 г. на референдуме, в котором приняли участие 64,8 % избирателей, 83,3 % от числа проголосовавших поддержали придание русскому языку статуса второго государственного [там же]¹⁰. В то время национальное движение, представленное Белорусским народным фронтом (БНФ) «Возрождение», активно протестовало против этого. Однако, как видим, успеха не добилось.

Загадка раскрывается просто. В переписях 1999, 2009 и 2019 гг. ставился вопрос не только о родном языке, но и об основном языке общения в семье. Белорусы, доля которых в общем населении страны выросла к 2019 г. почти до 85 %, общаются в семьях преимущественно на русском. Результаты ответов белорусов представлены в *табл. 2*¹¹.

¹⁰ В Литве такое и представить невозможно. Достаточно вспомнить многолетнюю дискуссию о букве w (в литовском алфавите ее нет, тогда как она очень распространена в польской орфографии; в результате граждане Литвы польского происхождения вынуждены мириться с паспортами, где в их фамилиях и именах w заменяется на v). Литва отказывает им в правильном написании имен и фамилий, ссылаясь на Конституцию, в которой, разумеется, государственным языком признан только литовский.

¹¹ Согласно данным недавнего проведенного опроса населения, дома на русском языке разговаривают 73,7 % населения, 2,2 % говорят на белорусском, 12,3 % — на русском и белорусском, 11,6 % — на смеси русского и белорусского и на других языках говорят 0,2 %. Существенные различия наблюдаются в зависимости от типа местности проживания и возраста респондентов. На белорусском дома разговаривает 1 % городского населения и 6,1 % сельского населения, на русском — 76,4 % городского населения и 64,6 % сельского, на русском и белорусском — 10,2 % городского населения и 19,7 % сельского, на смеси русского и белорусского — 12,2 %

Таблица 2. Белорусы о белорусском: родной язык и язык общения в семье (%)

1999		2009		2019	
Родной	Общение в семье	Родной	Общение в семье	Родной	Общение в семье
85,6	41,3	60,8	26,1	61,2	28,5

Источник: [Общая численность... 2020: 36, 40].

Вопрос о языке не столь несущественен, как может показаться на первый взгляд. Язык формирует нацию. И хотя есть прецеденты, когда во многом утратившие собственный язык нации в результате замены его на имперский добивались государственного суверенитета (Ирландия, Черногория)¹², они остаются исключениями в Европе. В большинстве случаев распад европейских империй приводил к образованию национальных государств с единым государственным языком (даже демократические Чехия и Словакия разошлись во многом по языковой причине). Белорусский разрыв между родным языком и языком семейного общения свидетельствует о том, что больше половины тех, кто считает себя белорусом по критерию «родного» языка, владеют им хуже, чем русским. Поэтому отсутствует естественная необходимость глубокого освоения белорусского языка как условия занятия абсолютного большинства рабочих мест, оно оказывается экономически неоправданным (издержки в форме потерь времени выше потенциальных выгод), что резко контрастирует с положением дел в той же Литве. В результате язык не может стать цементирующим нацию фактором.

На этой проблеме споткнулся БНФ, когда отстаивал единство государственного языка. И в целом ориентировался на белорусскую культурную общность. Если в Литве движение с похожей программой («Саюдис») одерживало одну политическую победу за другой, то высшим

городского населения и 9,6 % сельского. И перспективы языкового сдвига в пользу белорусского языка отсутствуют. Если доля говорящих дома на русском среди населения старше 61 года составляет 59,1 %, то по мере уменьшения возраста она падает. В возрастном интервале 18–29 лет она составляет 82,8 % [Урбан 2019].

¹² Босния и Герцеговина представлена тремя государственными языками (хорватский, сербский, боснийский) и тремя конфессиями (католичество, православие, мусульманство), что делает ее неустойчивым государственным образованием, сохраняющимся во многом благодаря внешним гарантам, подписавшим Дейтонское соглашение.

достижением БНФ стали 37 мест из 345, завоеванных на выборах в Верховный Совет БССР в 1990 г. [Партия БНФ 2021]. Правда, один из лидеров БНФ — Зенон Позняк — показал на президентских выборах 1994 г. относительно высокие результаты, заняв 3-е место с 12,8 % голосов после Лукашенко (44,8 %) и действующего в то время премьер-министра Вячеслава Кебича (17,3 %) [Позняк... 2021]. Характерно, что процент поданных за него голосов (особенно с учетом искажений в пользу Кебича) приближается к количеству проголосовавших впоследствии против русского языка как второго государственного.

Если продолжить сравнение с Литвой, то следует обратить внимание, что католичество невольно было там религией национального сопротивления (как и в Польше). Ничего подобного в Беларуси не наблюдалось. Современные исследования показывают, что 73 % белорусов считают себя православными, 12 % — католиками, 12 % связаны с другими конфессиями [Баровска 2017]. Православие (тем более что оно представлено приходами РПЦ) не в состоянии работать на суверенную государственность. Скорее, наоборот. Надо помнить, что РПЦ есть, по сути, идеологическое ведомство Кремля. Что же касается католиков, то лишь 42 % из них объясняют свою религиозную идентичность привязкой ее к национальной/семейной культуре [там же]. В результате религиозной раздробленности и относительной слабости западных ветвей христианства религиозный фактор не смог служить спаивающей основой движения за независимость.

По имеющимся социологическим опросам, еще сравнительно недавно белорусы характеризовались отсутствием экономической инициативы, массовой политической индифферентностью и пассивностью. Комментируя опрос службы Гэллапа в 2013 г., Романчук писал: «Белорусы напоминают старика, который более 20 лет каждый день ходит в море. Он не планирует создать нормальный, устойчивый бизнес на рыбе и морепродуктах, он ходит в море исключительно для того, чтобы поймать золотую рыбку. И чтобы та исполняла минимум три желания в год» [Романчук 2013: 461]. И добавлял: «Белорусы вне политики, без оппозиции, но в обнимку с властью ходят кругами в надежде попасть в светлое европейское будущее» [там же: 462]. Тем неожиданнее для многих наблюдателей оказался тот огромный выброс протестной социальной энергии, который имел место в 2020 г. и не сошел на нет и в январе 2021 г. Однако и здесь страна оказалась в противофазе с мировыми трендами.

Дело в том, что небывалый в республике подъем в борьбе за демократию происходит на фоне явного ее отступления во всем мире. Таким

образом, белорусы очень долго ждали и предприняли попытку «бархатной революции» как раз тогда, когда массовое демократическое движение почти полностью затухло (недавно оно было подавлено в Гонконге), а авторитаризм заметно укрепился. Заголовки годовых докладов различных экспертных центров, оценивающих состояние демократии, говорят сами за себя¹³. Об этом же свидетельствуют и приводимые ими данные.

Начнем с «Доклада о демократии» 2020 г. из проекта «Разнообразие демократии». В нем отмечается, что впервые с 2001 г. автократии оказались в большинстве: они представлены 92 странами, в которых проживает 54 % населения. Еще 35 % населения Земли проживают в автократизирующихся странах. После прохождения пика в 2012 г. среднее глобальное значение Индекса либеральной демократии опустилось до уровня 2002 г. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что как главные страны G20, так и все регионы мира охвачены «третьей волной автократизации»¹⁴, которая, в частности, распространилась на такие страны, как США, Бразилия, Индия и Турция. Индия оказалась на грани потери звания «крупнейшей демократии мира» и превращения в электро-

¹³ Доклад 2019 г. из серии «Свобода в мире» организации «Фридом хаус» озаглавлен «Демократия в отступлении» (“Democracy in Retreat”) [Freedom in the World 2019]. Доклад 2020 г. «Переходные страны» (“Nations in Transit”) назван «Отбрасывая демократический фасад» (“Dropping the Democratic Façade”) [Nations in Transit 2020]. Если обратиться к «Индексу демократии» (Democracy Index) организации «Экономист интеллидженс юнит» (Economist Intelligence Unit), то доклад «Индекс демократии 2019» имеет подзаголовок «Год неудач демократии и народного протеста» (“A Year of Democratic Setbacks and Popular Protest”) [Democracy Index 2019]. Совместный проект «Разнообразие демократии» (“V-Dem”) кафедры политологии Гетеборгского университета (Швеция) и Института Келлога (США) ставит в качестве заголовка «Доклада о демократии» 2020 г. следующие слова «Автократизация вздымается — сопротивление растёт» (“Autocratization Surges — Resistance Grows”) [V-Dem 2020]. Этот список можно и продолжить. Заметим, что все перечисленные доклады еще не застали в момент их выхода полный разгром демократического движения в Гонконге, с которым их составители связывали большинство надежд. Займет ли Беларусь место Гонконга в новых публикациях из этих серий?

¹⁴ Этот термин появился в статье Анны Люрманн и Стаффана Линдберга и обозначает процесс автократизации, происходящий, по мнению авторов, с 1994 г. [Lührmann, Lindberg 2019]. В статье развивается известная концепция Сэмюэля Хантингтона о трех волнах демократизации и двух волнах автократизации [Хантингтон 2003]. Первая волна автократизации имела место с 1926 по 1942 г., вторая — в 1961–1977 гг. [Lührmann, Lindberg 2019: 1102].

ральный авторитаризм, а Турция перешла из категории «электоральная демократия» в категорию «электоральная автократия». И даже в ЕС появилась первая недемократическая страна — Венгрия, которая классифицируется как электоральный автократический режим. Она совершила за 10 лет уникальный для европейской страны в XXI в. переход из либеральной демократии в электоральную автократию [V-Dem 2020].

В табл. 3 представлены 10 стран-лидеров автократизации и 10 стран-лидеров демократизации за прошедшие 10 лет. Очевидно, что автократизация затронула куда более значимые страны, чем демократизация. Кроме того, судьба дальнейшей демократизации Армении после поражения в войне 2020 г. за Нагорный Карабах явно оказалась под вопросом. Не говоря уже о Кыргызстане, где последний переворот не сулит продолжения демократизации (если таковая и была).

**Таблица 3. Страны-лидеры автократизации и демократизации (2009–2019).
Индекс либеральной демократии (ИЛБ)***

	Сниже- ние	ИЛБ 2009	ИЛБ 2019		Рост	ИЛБ 2009	ИЛБ 2019
Венгрия	0,36	0,76	0,40	Тунис	0,56	0,10	0,66
Турция	0,36	0,46	0,10	Армения	0,36	0,19	0,64
Польша	0,33	0,83	0,50	Гамбия	0,34	0,12	0,46
Сербия	0,27	0,53	0,25	Шри- Ланка	0,23	0,24	0,47
Бразилия	0,25	0,76	0,51	Мадага- скар	0,23	0,09	0,31
Индия	0,19	0,55	0,36	Мьянма	0,23	0,02	0,25
Мали	0,17	0,48	0,31	Фиджи	0,19	0,12	0,31
Таиланд	0,17	0,32	0,15	Кыргыз- стан	0,17	0,15	0,32
Никарагуа	0,16	0,22	0,06	Эквадор	0,17	0,33	0,50
Замбия	0,15	0,42	0,27	Нигер	0,15	0,20	0,34

* Индекс либеральной демократии изменяется в интервале от 0 (низшее значение) до 1 (высшее значение).

Источник: [V-Dem 2020].

Индекс демократии от «Экономист интеллидженс юнит» тоже не радует тех, кто надеялся на дальнейший прогресс в области демократии в XXI в.: его значение пусть медленно, но падает. При этом наибольшее падение наблюдается в Восточной Европе (рис. 1).

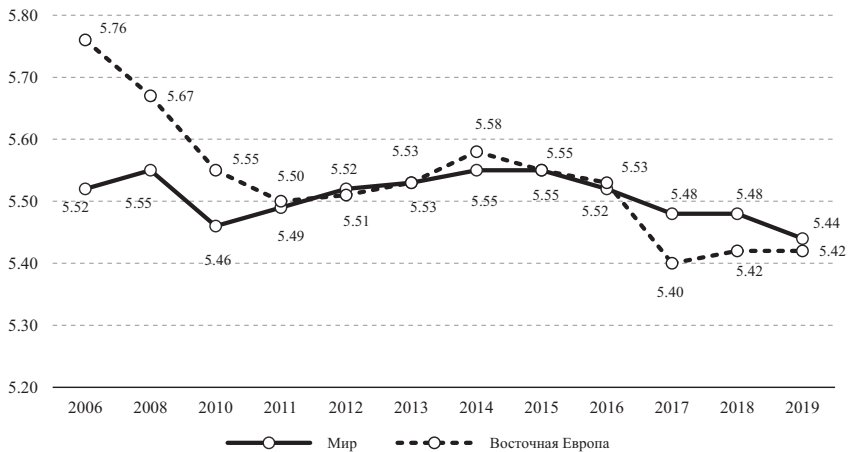

Рис. 1. Индекс демократии*: мир и Восточная Европа

* Индекс демократии «Экономист интеллидженс юнит» варьируется от 1 (низшее значение) до 10 (высшее значение).

Источник: [Democracy Index 2019].

Создатели проекта «Переходные страны» констатируют всю ту же тенденцию к автократизации постсоциалистических государств (в обзор включены 29 стран Восточной Европы и бывшего СССР). В докладе 2020 г. осталось только 10 демократических стран против 15 в докладе 2010 г. Если посмотреть на оценку в баллах, то средний балл по странам Восточной Европы за этот временной период снизился с 5,56 до 5,22 (медианный, соответственно, с 5,72 до 5,46). Аналогичное изменение по балканским странам: средний балл снизился с 3,96 до 3,73 (медианный — с 4,21 до 3,82). Что касается стран Евразии, то и тут наблюдалось снижение среднего балла с 2,04 до 1,94, а медианного — с 1,83 до 1,39¹⁵ [Nations in Transit 2020].

Эти тренды немаловажны для Беларуси, поскольку так называемый эффект домино (однаправленные политико-экономические изменения, охватывающие одну страну за другой) чаще всего наблюдается в «странах общей судьбы». Это справедливо и для «бархатных революций» на рубеже 90-х гг. прошлого века, ознаменовавших слом социалистической системы в Восточной Европе; и для «арабской весны», когда в ряде арабских стран был брошен вызов правящим автократам (результаты получились

¹⁵ В проекте «Переходные страны» высший балл — 7, низший — 1.

очень разными, но это уже другой вопрос). Однако такой же эффект, по всей видимости, присущ и движению в обратном направлении, — автократизации. Впрочем, поддержка антиавтократического движения в Беларуси со стороны демонстрирующей автократические тенденции Польши не становится слабее по причине наличия таковых¹⁶. Для Беларуси, как увидим, решающее значение имеет позиция России с ее все усиливающимся режимом «консолидированной автократии» (снижение за указанный выше 11-летний период с 1,86 до 1,39) [Ibid.].

Подводя некоторые промежуточные итоги, можно констатировать, что Беларусь не удержалась на старте постсоциалистических преобразований и очень быстро скатилась в автократическую систему, консервирующую огосударвленную и не дающую рыночных стимулов экономику. И на рубеже XXI в. ряд необходимых для рыночной экономики институтов не существовал или был очень слаб. В то же время в последнее десятилетие XX в. в мире доминировала тенденция к демократизации политической жизни и либерализации экономики. Беларусь же шла против течения.

Причина такого положения дел не сводится к наследию советского периода. Сравнение Беларуси и Литвы позволяет сделать вывод, что корневая причина их столь значительного расхождения после распада СССР заключается в том, что первой, в отличие от второй, после краха Российской империи не удалось сформировать свою национальную государственность. В результате в конце XX в. не Беларусь вышла из СССР, а СССР из Беларуси: вместо опоры на традицию имела место как бы вынужденная попытка создать государство практически с нуля, которая привела к появлению слабого, автократического и зависимого от России государства. Перефразируя известного советского деятеля, можно сказать, что получилось «уродливое дитя» распада СССР.

При вступлении в третье десятилетие XXI в. в Беларуси четко обозначилось массовое стремление сбросить постсоветский автократизм и сформировать правовое государство. Однако теперь Беларусь в этом своем стремлении снова идет против тренда — в этот раз глобального

¹⁶ Польша снизила за 10 лет свой средний балл с 5,68 (доклад 2010 г.) до 4,93 (доклад 2020 г.), перейдя из категории «консолидированная демократия» в категорию «полуконсолидированная демократия». В проекте «Переходные страны» принята следующая градация: от 1,00 до 2,00 — консолидированный авторитарный режим, от 2,01 до 3,00 — полуконсолидированный авторитарный режим, от 3,01 до 4,00 — переходный (или гибридный) режим, от 4,01 до 5,00 — полуконсолидированная демократия и от 5,01 до 7,00 — консолидированная демократия [Nations in Transit 2020].

смещения в сторону автократизации. Данное обстоятельство, конечно, не способствует преодолению главного дефицита страны — дефицита свободы.

Дефицит свободы

На *рис. 2* представлена оценка состояния демократии с 2009 по 2019 г. включительно¹⁷. Сразу надо оговорить, что все без исключения подходы к измерению демократии применительно к странам силовой цивилизации показывают не столько уровень демократии (которая там отсутствует), сколько институциональный разрыв с правовой цивилизацией. Если бы на *рис. 2* присутствовали средние оценки демократии стран Балтии (они в этот период находятся в интервале от 5,83 до 5,90)¹⁸, то линии, представляющие оценки демократии в России, Беларуси и средней для пяти «султанатов» почти слились бы друг с другом в нижней его части.

На *рис. 2* все страны относятся к консолидированным авторитарным режимам. Беларусь до 2014 г. находилась примерно на одном уровне со средней оценкой по «султанатам» (АКТТУ). Потом, как видим, она немного поднялась в рейтинге и почти слилась с опустившейся до ее уровня автократизации Россией. Тогда как средняя по «султанатам» пошла дальше вниз. Однако разрыв с ними не так уж и велик.

Оценка демократии в проекте «Переходные страны» включает в себя следующие семь показателей: национальное демократическое госуправление, электоральный процесс, гражданское общество, независимые медиа, местное демократическое управление, правовая среда и независимость юстиции, коррупция. Если сравнивать Беларусь и Россию по данным из Доклада-2020, то можно заметить, что в Беларуси ситуация лучше только в противостоянии коррупции (2,00 против 1,25 у России). На одном уровне эти страны находятся по первым трем показателям (1,25 по первым двум и 1,7 по третьему). И опережала Россия Беларусь по четвертому (1,50 против 1,25), пятому (1,50 против 1,25) и шестому (1,25 против 1,00) показателям. Впрочем, уровень обоих стран чрезвычайно низок, а разрывы между показателями у них очень малы.

¹⁷ Годы на оси абсцисс на *рис. 2* — это годы выпусков соответствующих докладов. Они отражают реальное положение дел в предшествующих докладам годах.

¹⁸ Рассчитано автором по: [Nations in Transit 2020].

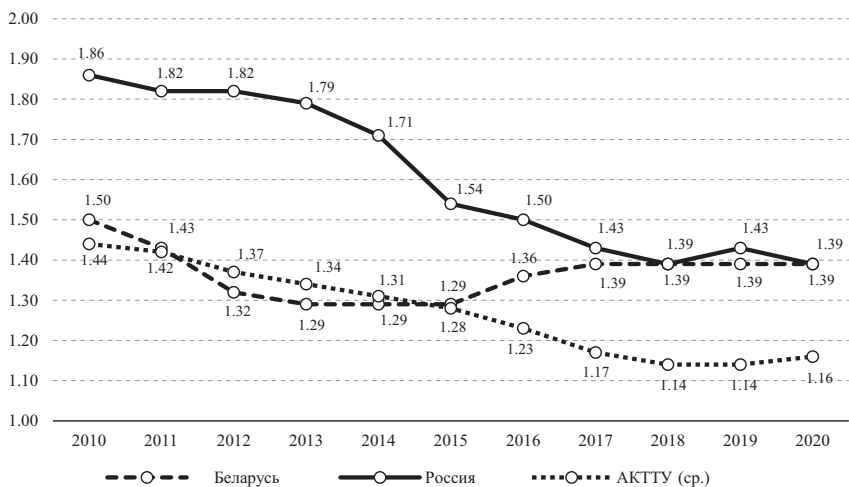

Рис. 2. Оценка демократии (проект «Переходные страны»)

Источник: [Nations in Transit 2020].

Что отличало Беларусь на протяжении этих 11 лет? В исходном 2009 г. Беларусь выглядела заметно лучше, чем в дальнейшем. Экономический кризис вынудил Россию до некоторой степени свернуть помощь, а это заставило Лукашенко повернуться на Запад и вступить в диалог с ним. ЕС отменил визовые санкции против него после того, как президент не поддержал российскую сторону в войне с Грузией и освободил политзаключенных. В апреле 2009 г. Беларусь получила приглашение стать полноправным участником в программе Евросоюза «Восточное партнерство». Диалог белорусских властей с ЕС в качестве результата имел некоторое расширение пространства для действий гражданского общества без страха подвергнуться репрессиям со стороны государства.

Однако оттепель в Беларуси и в тот раз споткнулась о президентские выборы, которые проходили в декабре 2010 г. В период, предшествующий выборам, она достигла своего апогея. Были зарегистрированы оппозиционные кандидаты, и они были допущены на государственные СМИ. По официальным данным, действующий президент набрал 79,65 % голосов, второе место занял Андрей Санников (выдвинут общественной организацией «Европейская Беларусь») с 2,43 % голосов избирателей, на третьем месте был уже известный нам экономист Роман-

чук (Объединенная гражданская партия) — 1,98 % голосов [Сообщение... 2010]. Сторонники оппозиционных кандидатов не признали подлинными объявленные результаты голосования и вышли на массовую акцию протеста, жестко подавленную властями. Были арестованы 7 из 9 кандидатов на пост президента.

Согласно проведенному после выборов Независимым институтом социально-экономических и политических исследований (НИСЭПИ) опросу, за Лукашенко проголосовали 51,1 % избирателей, за Владимира Некляева (беспартийный, общественная кампания «Говори правду») — 8,3 % (по официальным данным, он занимал 5-е место с 1,78 % голосов), Санникова — 6,1 %. Таким образом, действующий президент мог оказаться и в ситуации, когда понадобился бы второй тур. В этом опросе ставился и вопрос о том, за кого избиратели проголосовали бы во втором туре (коли такой состоялся), выбирая между Лукашенко и Некляевым. Однозначно Лукашенко поддержали бы 33,6 %, скорее поддержали бы — 23,5 %. Аналогичные данные по Некляеву — 13,3 % и 10,6 % соответственно [Архив данных... 2010].

Таким образом, в то время поражение на честных выборах Лукашенко никак не грозило, но в общественной системе, которая получила название «Русская власть» (а именно такая модель власти утвердилась к тому времени в Беларуси), глава государства не может соревноваться на равных с подданными в борьбе за верховное владычество. Здесь не общество конструирует власть через систему представительства, а власть конструирует общество посредством административного распределения статусов с одновременным закреплением за ними тех или иных материальных активов. Верховный правитель в такой социальной среде не может получать легитимность снизу, подобно тому как стадо не выбирает пастуха. Прозвище «батька», ставшее неофициальным титулом Лукашенко, очень точно подчеркивает суть положения вещей: бросившие вызов «батьке» на выборах «шалопай» должны быть повержены так, чтобы продемонстрировать полное ничтожество собственных намерений на фоне непоколебимого авторитета и величия «отца народа».

Разумеется, случившийся сразу после выборов бунт стал исходной точкой разворота от оттепели к репрессиям. Участники оппозиционных движений и прочие активисты, принимавшие участие в антилукашковской демонстрации в декабре 2010 г., подвергались арестам. Новая их волна прошла в июне-июле 2011 г., когда развернулась кампания «молчаливого протеста». На конец 2011 г. в тюрьмах находилось 15 политических заключенных, включая известных деятелей оппозиции. Три канди-

дата в президенты (Санников, Дмитрий Ус и Николай Статкевич) были приговорены к тюремным срокам. Другой кандидат — Алексей Михалевич — провел в заключении два месяца. Усиливалось давление на независимые средства информации (дискриминация, штрафы, обыски с изъятием оборудования и пр.). Принимались законы против независимых организаций: была, в частности, криминализована иностранная помощь политическим партиям, НКО и профсоюзам [Belarus... 2012].

Политическая жизнь в Беларуси — это волнообразный процесс, в котором заморозки сменяются оттепелями. После начала российско-украинского конфликта, захвата части Донецкой и Луганской областей и отторжения Крыма Лукашенко почувствовал, что он перестал быть «самым плохим парнем» в глазах Запада. Он не спешил заявлять о признании территориальных приобретений России, а пытался играть роль незаинтересованного посредника между Россией и Украиной (Минские договоренности). И где-то в 2015 г. началась новая оттепель. Президентские выборы 2015 г. прошли тихо и без эксцессов. Накануне власти освободили всех политических заключенных. В 2016 г. состоялись парламентские выборы: в парламент допустили двух политиков, которые вроде бы представляли оппозиционные силы. Впервые с 2000 г. 16 мест в 110-местном парламенте были отданы представителям партий. Был сделан ряд небольших улучшений в области гражданских прав. Деятельность организаций гражданского общества стала чуть менее ограниченной в их связях с зарубежными партнерами. Анонимная помощь НКО перестала приравниваться к иностранной. Результатом изменения международной политической обстановки и минимальной внутренней либерализации стала отмена западных санкций против белорусских официальных лиц и бизнесменов [Belarus... 2018].

В 2017 г. произошел всплеск протестного движения по причине активизации президентского Декрета «О предупреждении социального иждивенчества». В соответствии с ним трудоспособный гражданин, не участвующий в формировании бюджета 183 календарных дня, должен был уплатить в бюджет 20 базовых величин [Декрет... 2015]. В 2017 г. базовая величина составляла 23 руб. [Налог... 2020]. Таким образом, в тот год неработающий гражданин должен был уплатить в бюджет 460 руб., или около \$ 250 (тогда 1 белорусский рубль был чуть меньше \$ 0,5). Для многих официально неработающих это была немалая сумма. Протесты начались в феврале. Поначалу власть не реагировала на уличные акции, но уже в марте перешла к привычным задержаниям протестующих. Эти события, как и сам непопулярный введенный налог, могут

рассматриваться в качестве одного из источников накапливаемого недовольства граждан.

Предшествующий потрясениям год не выделялся ничем особенным на фоне четвертьвекового правления Лукашенко. «Год не увидел никаких существенных изменений в функционировании режима или политическом климате страны» [Belarus... 2020]. 2019 г. был годом парламентских выборов. Они проводились на 10 месяцев раньше, чтобы не наложиться на президентские выборы в 2020 г. Наиболее известные оппозиционные кандидаты не были зарегистрированы по причине якобы допущенных технических ошибок. Заметим, что эта судьба постигла и двух оппозиционных членов парламента предыдущего созыва. Сами выборы не отвечали международным стандартам. Ни один из оппозиционных кандидатов не получил места в новом парламенте. Однако это не вызвало никаких уличных протестов. Последние в том году имели место, но по другому поводу: примерно 1000 человек в декабре 2019 г. выражали несогласие с интеграцией с Россией. В начале же года были введены платежи за проведение публичных мероприятий, величина которых оказалась запредельной для оппозиционно настроенных групп. Во многом поэтому эти мероприятия не проводились [Ibid.].

Имели место и некоторые уступки со стороны власти. Был отменен закон, криминализирующий деятельность незарегистрированных НКО, взамен были введены более мягкие административные запреты. Однако ничего не изменилось к лучшему в области СМИ: государство продолжало накладывать штрафы на издателей и репортеров негосударственных изданий, преследовать оппозиционных блогеров. Популярные антилукашенковские документальные материалы, создаваемые оппозиционным блогером Степаном Путило (телеграм-канал NEXTA), были признаны экстремистскими и запрещены [Ibid.]. Вскоре этот канал обретет мировую славу как организатор и координатор массовых протестов.

Как видим, несмотря на периодические временные послабления, факты неоднократно подтверждают вывод о том, что политический режим был режимом консолидированной автократии, подавляющим политические свободы. Если же выйти за рамки чисто политических свобод, то стоит взглянуть на Индекс личных свобод (ИЛС), который Институт Катона (США) определяет с 2008 г. Беларусь включена в эту программу с 2016 г. ИЛС включает в себя такие блоки, как верховенство права, охрана и безопасность, передвижение, религиозные свободы; ассоциации, собрания и гражданское общество; выражение взглядов и информация, идентичность и отношения. На *рис. 3* приводятся значения ИЛС за 2016–

2018 г. (1 — низшая оценка, 10 — высшая). По ИЛС Беларусь опережает и Казахстан, и Россию. В 2018 г. она была глобальным середнячком: занимала 85-е место среди 162 стран (Литва — 30-е, Казахстан — 90-е, Россия — 128-е) [Vásquez, MacMahon 2020]. Результат несколько неожиданный, но тем не менее дающий определенную почву для размышлений при анализе событий 2020 г. Накануне ситуация с личными свободами была несколько лучше, чем в Казахстане, и гораздо лучше, чем в России!

Рис. 3. Индекс личных свобод. Институт Катона

Источник: [Vásquez, MacMahon 2020].

Что касается экономической свободы, то тут дела обстоят несколько лучше, чем при сравнительном анализе демократии. Правда, две организации, оценивающие эти свободы в глобальном масштабе, очень расходятся в своих оценках относительно Беларуси. Начнем с оптимистической оценки белорусских экономических свобод «Фондом наследия» (“Heritage Foundation”). Этот консервативный американский исследовательский центр определяет ежегодно Индекс экономической свободы. Количественно оценки варьируются от 0 до 100 (чем выше, тем лучше) и включают в себя следующие четыре крупных компонента: верховенство права (права собственности, эффективность юстиции, честность правительства), размер государства (налоговое бремя, состояние финансов, свобода бизнеса), эффективность регулирования (свобода труда,

монетарная свобода, свобода торговли) и открытость рынков (свобода торговли, свобода инвестиций, финансовая свобода).

Доклад об Индексе экономической свободы-2020, в отличие от упоминавшихся выше докладов о состоянии демократии, отмечает глобальный его рост в последние годы. Среднее значение этого Индекса (61,6) — наивысшее за все время наблюдений. За год экономическая свободы выросла в 124 из 180 рассматриваемых стран и сократилась только в 50 (в 6 осталась без изменений). В докладе в зависимости от величины Индекса экономики стран делятся на пять категорий: свободные (80–100), в основном свободные (70–79), умеренно свободные (60–69), в основном несвободные (50–59) и подавленные (ниже 50) [Miller, Kim, Roberts 2020].

В табл. 4 представлены Индексы экономической свободы за последние оцененные годы¹⁹. Экономика Беларуси (как, впрочем, и России) по итогам 2019 г. переместилась из категории «в основном несвободные» в категорию «умеренно свободные». Что касается первой, то она оказалась в десятке стран, продемонстрировавших за год наибольший прогресс (вместе с Казахстаном). В «табели о рангах» среди 180 экономик мира Индекс экономической свободы-2020 вывел ее на 88-е место (Литва на 16-м месте, Казахстан — на 39-м, Россия — на 94-м) [Ibid.].

Таблица 4. Индекс экономической свободы. «Фонд наследия»

	Литва	Казахстан	Беларусь	Россия
2017	75,8	69,0	58,6	57,1
2018	75,3	69,1	58,1	58,2
2019	74,7	65,4	57,9	58,9
2020	76,7	69,6	61,7	61,0

Источник: [Miller, Kim, Roberts 2020].

Индекс экономической свободы в Беларуси почти равен среднемировому (61,6), но отстает от средних значений региона Европа (69,8). Улучшение позиции в 2019 г. произошло за счет двух компонент Индекса: состояния финансов (+10) и финансовой свободы (+10), хотя абсолютная оценка последней очень низка (20). В связи с этим отмечается, что прогресс в финансовом секторе медленный; крупные государственные банки доминируют в нем. Второй с конца оказалась свобода инвестиций

¹⁹ Годы в таблице — это годы представления Индексов. Они показывают фактическое состояние экономической свободы в предшествующем году.

(30), где введенные государством секторальные ограничения препятствуют иностранным инвестициям. И третьей с конца является честность правительства (37,4). Отмечается, что контроль государства 70 % экономики питает коррупцию [Ibid.].

Не столь оптимистично оценивает экономическую свободу в Беларуси Институт Фрэзера (Канада), который реализует программу «Экономическая свобода в мире» (ЭСМ) и в ее рамках также ежегодно публикует свой индекс экономической свободы. Последний охватывает пять сфер: размер государства, правовая система и права собственности, устойчивость денег, свобода международной торговли, регулирование. Индекс ЭСМ варьируется от 0 до 10: чем выше его значение, тем больше экономической свободы в том или ином секторе экономики или в стране в целом. Его составители тоже видят прогресс экономической свободы в мире: среднее значение этого индекса выросло с 6,63 в 200 г. до 6,98 в 2018 г.²⁰ Беларусь оценивается лишь с 2016 г., и ее Индекс ЭСМ также демонстрирует рост за эти три года с 5,90 до 6,35, хотя выше всего он был в 2017 г. (6,38) [Gwartney, Lawson, Hall, Murphy 2020a]. В то же время Институт Фрэзера не ставит Беларусь выше России, отставание от последней довольно заметное. К величинам Индекса ЭСМ в *табл. 5* добавляются глобальные ранги тех же стран (всего включены в программу ЭСМ 162 страны), которые присутствуют в *табл. 4*.

Таблица 5. Индекс экономической свободы ЭСМ. Институт Фрэзера

	Литва		Казахстан		Россия		Беларусь	
	Индекс	Ранг	Индекс	Ранг	Индекс	Ранг	Индекс	Ранг
2016	8,09	11	7,02	77	6,70	94	5,90	133
2017	8,05	11	7,09	76	6,75	89	6,38	111
2018	8,10	11	7,12	73	6,74	89	6,35	114

Источник: [Gwartney, Lawson, Hall, Murphy 2020b].

Представляется, что ранжирование экономической свободы Беларуси Институтом Фрэзера ближе к реальности, чем «Фондом наследия». Хуже всего у нее обстоит дело с таким компонентами, как регулирование кредитных рынков (134-е место), устойчивость денег (124) и размер государства (114) [Gwartney, Lawson, Hall, Murphy 2020a].

²⁰ В отличие от Индекса экономической свободы «Фонда наследия» значения Индекса ЭСМ отвечают не году выпуска доклада, а реальному году.

Завершающим этапом анализа состояния свобод в Беларуси может быть Индекс человеческой свободы (ИЧС) Института Катона, построенный на основе ИЛС и Индекса экономической свободы Института Фрэнзера. ИЧС есть простое среднее этих двух последних индексов. Его значения можно видеть на *рис. 4*, где представлены те же страны и те же годы, что и на *рис. 3*. Литва сохраняет первое место, занимая 21-е место в глобальном ранжировании по ИЧС. Казахстан в глобальном ранжировании занимает 75-е место и обходит Беларусь, которая в итоге оказывается 99-й. И последнее место стабильно за Россией (115-я в мировом ранге).

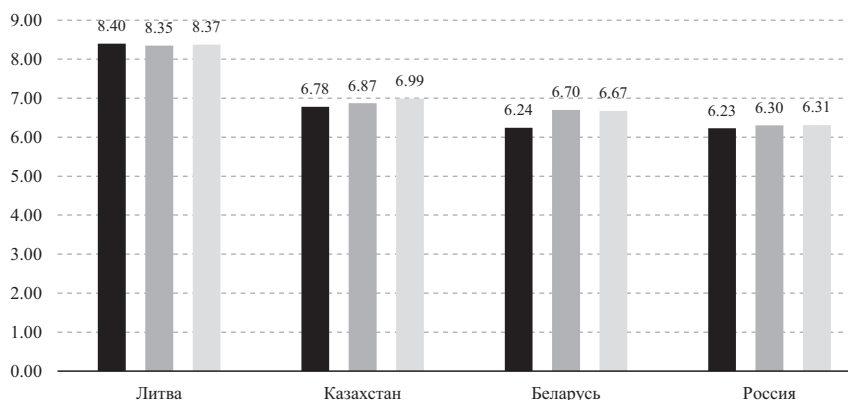

Рис. 4. Индекс человеческой свободы. Институт Катона

Источник: [Vásquez, MacMahon 2020].

В итоге анализа дефицита свободы можно сделать следующие заключения. Во-первых, к концу второго десятилетия XXI в. этот дефицит не был столь разительным, как в последнее десятилетие века XX: в целом он был несколько меньше, чем тот, который сложился в результате автократизации России. Во-вторых, больший вклад в этот дефицит (если сравнить *рис. 3* и *рис. 4*) вносила экономика. И, как увидим, в этой области усилился контраст между несвободной экономикой и становлением прорыночных настроений граждан Беларуси.

Экономика: между диктатом и свободой

Многие в России до сих пор представляют экономику Беларуси как быстрорастущую в рамках мягкой, популистской макроэкономической политики. Это было, но прошло. Она пребывала в стагнации в 2011–2015 гг. после 15 лет высокого экономического роста. В 2015 г. начались реформы. Центр социальных и экономических исследований (Center for Social and Economic Research—CASE²¹) в одной из недавних публикаций писал: «Похоже, что в 2015–2018 гг. руководство страны провело больше преобразований, чем в предыдущие 24 года, начиная с 1991 г.» [Навродский, Олехнович, Стычыньска и др. 2020]. Реформы касались таргетирования денежной базы в рамках политики таргетирования инфляции, сокращения мягких бюджетных ограничений, чрезмерной занятости на госпредприятиях и ограничения роста заработной платы в пределах повышения производительности. При необходимости заметно поднималась базовая процентная ставка Национального банка (так, в 2015 г. она выросла с 20 до 25 %). Все эти шаги привели к макроэкономической стабилизации. В табл. 6, где представлены основные макроэкономические индикаторы, уже нет двухзначных цифр инфляции и близких к ним цифр темпов экономического роста. Относительный уровень благосостояния составляет 64 % от среднего уровня стран ЦВЕ. В 2013–2018 гг. Беларусь потеряла около 15 процентных пунктов по этому показателю [там же].

Тем не менее удовлетворенность жизнью росла. В 2017–2020 гг. в Беларуси проводились полевые работы 7-й волны обследований в рамках программы «Всемирный обзор ценностей» (“World Values Survey” — WVS). Они показали, что за последнее десятилетие количество белорусов, считающих себя «очень» или хотя бы «относительно» счастливыми, значительно увеличилось: с 64 % до 89 %. В ответ на вопрос об «удовлетворенности жизнью» также наблюдается положительная динамика: среднее значение удовлетворенности на конец десятилетия — 6,85, а в начале десятилетия — 5,78. Причем резко увеличилось количество тех, кто оценил свою удовлетворенность жизнью на 10 баллов (по десятибалльной шкале): в начале декады было 4 %, в конце — 10 %. Это лучший показатель за весь тридцатилетний период [Как за 10 лет... 2020]. Как в таких случаях говорится, «ничто не предвещало революции». Тотальное проти-

²¹ Этот исследовательский центр был основан в Варшаве в 1991 г. и на сегодняшний день является ведущим в исследованиях стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ).

востояние режиму Лукашенко в 2020 г. невозможно объяснить массовым разочарованием за последние годы: все было ровно наоборот.

Таблица 6. Основные макроэкономические индикаторы Республики Беларусь

	2017	2018	2019
Рост ВВП (в постоянных ценах)	2,5	3,0	1,2
Частное потребление	4,7	8,2	5,5
Государственное потребление	-0,9	-1,0	5,1
Валовые инвестиции в основной капитал	5,5	4,9	0,2
Экспорт, товары и услуги	7,5	3,9	-0,8
Импорт, товары и услуги	11,1	7,9	4,2
Индекс потребительских цен, процентные изменения	6,0	4,9	5,6
Баланс счета текущих операций, % от ВВП	-1,7	0,0	-1,8
Консолидированный баланс государства, % от ВВП	3,0	4,0	1,2
Государственный долг, % от ВВП	52,9	47,8	43,7

Источник: [Belarus Economic... 2020].

Не вдаваясь в разбор макроэкономических показателей, заметим, что они, конечно, далеко не блестящие, но вполне удовлетворительные. Госдолг невысок и снижлся, общий дефицит бюджета тоже становился меньше, индекс потребительских цен для привычной к двухзначной инфляции Беларуси рос не столь значительно²². Выделяются на удивление высокие темпы роста частного потребления в структуре ВВП.

Если взять такой показатель, как валовой национальный доход²³ на душу населения по паритету покупательной способности (в долларах 2017 г.) за 2010–2019 гг. (10 последних лет), то Беларусь будет позади не только Литвы, но и России и Казахстана (*рис. 5*). Видно, что он, по сути, стагнировал. В то же время 2019 г. был третьим подряд годом роста этого показателя и в том же году был достигнут его исторический максимум.

²² Тем не менее рост цен население ставит на первое место среди всех прочих актуальных проблем современной Беларуси [Урбан 2019].

²³ Валовой национальный доход (*Gross national income*) есть сумма добавленных стоимостей всех производителей-резидентов плюс любой товарный налог (за вычетом субсидий) не включенный в оценку выпуска плюс чистые поступления первичного дохода (оплата наемного труда и доходы от собственности) из зарубежных источников.

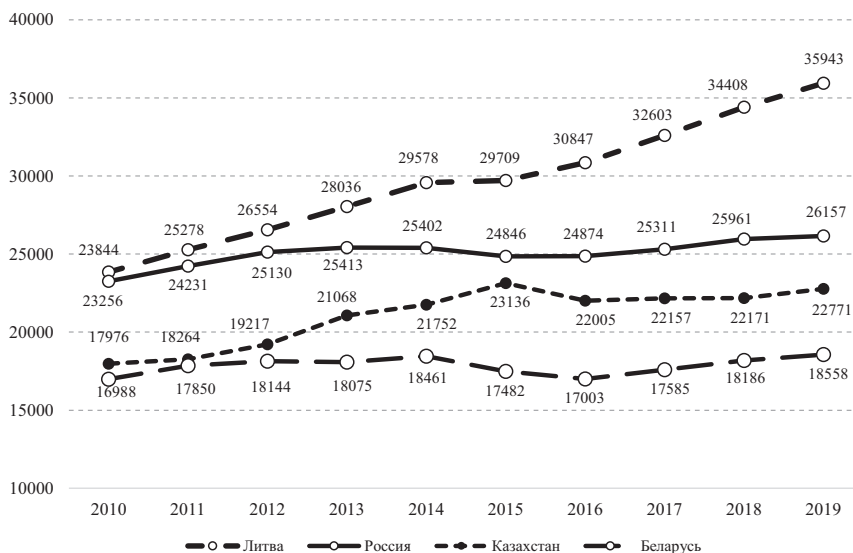

Рис. 5. Валовой национальный доход на душу населения (по паритету покупательной способности, в долларах 2017 г.).
 Источник: [International... 2021a].

Начиная с 2017 г. росла и заработная плата. Среднемесячная номинальная начисленная зарплата по стране менялась следующим образом: 2016 г. — 723 руб., 2017 г. — 823 руб., 2018 г. — 971 руб., 2019 г. — 1093 руб. [Труд... 2020: 236]. Для весьма мобильных белорусов очень важно, что при этом она росла, также выраженная и в евро. За четыре года курс рубля к евро поменялся незначительно: 2016 г. — 2,20 руб./евро, 2017 г. — 2,18, 2018 г. — 2,41, 2019 г. — 2,34 [Национальный банк... 2021]. Легко пересчитать среднюю зарплату в евро: 2016 г. — 329, 2017 г. — 378, 2018 г. — 403, 2019 г. — 467. За эти же годы в Минске таковая была 986, 1126, 1330 и 1495 руб. соответственно (в евро 448, 517, 552 и 639). Таким образом, бурные события 2020 г. не могли быть вызваны падением доходов.

Неудовлетворенность в плане материального благосостояния могла быть связана сравнением с соседями-членами ЕС. Так, например, в Литве средняя номинальная зарплата в последнем квартале 2019 г. достигла 1359 евро; чистая, за вычетом социальных и персональных налогов, —

879 евро [Oficialiosios... 2021]. Разрыв значительный, но он имеет место далеко не первый год. Возможно лишь предположить, что годами нарастало осознание факта, что его при сложившемся политическом режиме не ликвидировать никогда. Однако это предположение — из области догадок, и подтвердить его какими-либо данными пока не удается.

Источником недовольства теоретически может быть высокий уровень бедности и неравенства в доходах. Однако тут у Беларуси все более чем хорошо. Удельный вес населения с уровнем среднедушевых располагаемых ресурсов ниже минимального потребительского бюджета снизился с 33,9 % в 2017 г. до 25,5 % в 2019 г. За этот же период сократился и уровень абсолютной бедности по стоимости базовых потребностей — с 30,5 % до 21,5 %. Индекс глубины бедности, показывающий отставание доходов абсолютно бедного населения от уровня черты бедности, тоже стал меньше — 7,26 (2017 г.) и 4,76 (2019 г.) [Мазоль 2020].

Что касается неравенства, то тут наблюдается: а) его низкий уровень; б) постоянное его снижение. Индекс Джини упал с максимума в 2007 г., когда он был равен 29,6, до 25,2 в 2018 г. Для сравнения: в России он тоже достиг пика в 2007 г. и с тех пор снизился. Но был он чуть ли не вдвое выше, чем в Беларуси: 42,3 (2007 г.) и 37,5 в 2018 г. [International... 2021b]. В Беларуси огромную роль в уменьшении неравенства играют государственные трансферты. Так, благодаря им отношение среднего дохода 10 % наиболее богатого населения к среднему доходу остальных 90 % вместо 14,82 становится 3,25 [Bornukova, Shimanovich, Chubrik 2017].

Такое положение дел, по идее, явно должно работать против революционных настроений. Люди достаточно высоко ценят гарантии, понимая при этом, что эпоха радикальных перемен может лишить «синицы в руках», а обещанный «журавль» так и останется в небе. Однако, как увидим далее, склонность к государственному патернализму у белорусов в последнее время не велика. Имела место тенденция к ее ослаблению. Это говорит о том, что большинство готово все-таки принять риск перемен (не случайно сопровождением митингов 2020 г. стала песня Виктора Цоя «Мы ждем перемен»).

Институциональным ядром любой общественной системы являются доминирующие отношения собственности. Ограниченность рыночных реформ в Беларуси всегда олицетворяли сохранившиеся от эпохи социализма крупные государственные предприятия, которые нередко акционировались, но никогда не приватизировались. В результате к 2010 г. вклад государственного и частного секторов в ВВП был примерно 70 на 30 [Dobrinsky, Adarov, Bornukova et al. 2016]. С тех пор были обозначены

шаги по либерализации экономики²⁴. Выступая на открытии «Всемирной недели предпринимательства — 2020» министр экономики Беларуси заявил, что более 50 % валовой добавленной стоимости, около 60 % от всей выручки, более 47 % от общего объема товарного экспорта страны формирует частный сектор. Он же обеспечивает половину рабочих мест [Можейко 2020]²⁵. Можно ли Доверять информации, озвученной министром?

В последние годы в стране сложилась интересная ситуация. Приватизация почти не ускорилась, зато довольно неожиданно вырос новый частный сектор, которого не было и не могло быть при социализме. О нем несколько позже. Пока же обратим внимание на то, что в Беларуси, как и в России, господствует власть-собственность. В этой системе деление на государственное и частное весьма условно. Государственные предприятия служат частным целям бюрократии, а частные тоже не свободны от ее директивного управления, какие бы организационно-юридические формы они ни принимали. Бюрократия вольна отдавать им распоряжения от лица государства, как если бы государство владело так называемой золотой акцией. Власть-собственность и есть, по сути, теневая золотая акция.

Для полноты картины приведем несколько примеров из интервью белорусского экономиста Леонида Злотникова литовскому интернет-порталу Delfi.ru. Кроме абсурдных плановых заданий предприятиям, существует и личная зависимость по вертикали. «Во главе вертикали стоит Лукашенко, он дает любые распоряжения, например, частному предприятию по форме. Возьмем Condor, где доля государства 15–20 %. Лукашенко своим декретом устанавливает правило о том, что этот концерн должен пару лет тому назад за свои средства построить какое-то предприятие по производству химических продуктов. То есть машинострои-

²⁴ В этом плане особо выделяется Стратегия развития малого и среднего предпринимательства «Беларусь — страна успешного предпринимательства» на период до 2030 г. [Стратегия развития... 2018].

²⁵ Согласно данным последних исследований, структура промышленного производства по формам собственности выглядела следующим образом: на нефтедобычу, нефтепереработку и производство удобрений в 2019 г. приходилось 23 % (в 2012 г. — 24,8 %). Этот сектор представлен предприятиями республиканской собственности и предприятиями с долей государства 50 % и более. Остальные государственные коммерческие предприятия занимали в структуре промышленного производства 38,8 % (2012 г. — 32,4 %). На частные и иностранные компании приходилось 38,2 % (2012 г. — 32,4 %) [Данейко, Чубрик, Гайдук и др. 2020].

тельное предприятие получает задание построить какой-то там другой заводик за свой счет» [Титов, Милашюс 2020].

Еще один пример властнособственнических отношений. На этот раз из сельского хозяйства. Крупные сельскохозяйственные предприятия имеют самые различные юридические лица: общества с дополнительной ответственностью (ОДО) — 510 единиц, закрытые акционерные общества (ЗАО) — 35, открытые акционерные общества (ОАО) — 152, производственные кооперативы — 348. Далее экономист добавляет: «Не нужно обольщаться, что ОАО является частным предприятием. Даже если оно на 70 % является частным, то все равно задания будут исходить от государства. Оно будет диктовать, сколько нужно продать, сколько молока получить, какому перерабатывающему предприятию это все поставить. Конечно, им тоже что-то достается, небольшая свобода есть. Рассчитавшись с государственными поставками, они тоже могут куда-то продать. Однако там тоже будут свои рекомендации насчет того, куда именно деть оставшуюся продукцию» [там же].

В этих двух кейсах прекрасно отражается белорусская практика реализации власти-собственности. В ней не рынок, а властная иерархия диктует предприятиям ответы на пресловутые вопросы «что производить», «как производить» и «для кого производить». Государство как аппарат насилия отдает приказы экономическим субъектам, хотя последние могут быть оформлены по документам как частная собственность частных лиц. Последнее обстоятельство нередко сбивает с толку западных исследователей, опыт жизни которых в правовой среде мешает заглянуть поглубже под юридическую оболочку. И тогда идет сравнение «общественное — частное» по чисто формальным признакам. На самом же деле во властнособственнических экономиках и государственное не общественное, и частное не просто частное, а условно-частное владение, встроенное в государственно-распорядительные отношения как подчиненный субъект²⁶. Поэтому вышеупомянутый министр экономики невольно лицемерил, когда говорил о доле частного сектора на основе чисто формальных признаков.

²⁶ «Действительно, и фашистская Италия, и нацистская Германия разрешали частную собственность, точнее сказать, мирились с ее существованием. Однако это была собственность в особом и ограниченном смысле слова — не та бесспорная собственность, которую утверждали римское право и Европа XIX столетия, а, скорее, условное владение, оставлявшее государству, высшей власти, право вмешательства и даже конфискации имущества в случае, если, по ее мнению, им неправильно пользовались» [Пайпс 2001: 283].

В то же время лицемерил он частично, поскольку в последние годы в Беларуси на обочине хозяйственной жизни возник и стал бурно развиваться подлинно частный бизнес. Имеется в виду прежде всего белорусская ИТ-индустрия. Когда в 2005 г. президент Лукашенко подписал распоряжение о создании Парка высоких технологий (ПВТ), он, как буржуазия по Марксу, чуть было не создал собственного могильщика. Особую роль в развитии Парка сыграл появившийся в 2017 г. Декрет № 8 «О развитии цифровой экономики». В соответствии с ним ПВТ предоставил своим резидентам минимальные налоги, инструменты так называемого «английского права», возможность свободного движения капиталов, прозрачное регулирование сферы блокчейн и криптовалют и другие преференции. Резидентам было дано право заниматься 37 видами деятельности: от искусственного интеллекта до разработки программного обеспечения, инженерных решений, игр и мобильных приложений, ИТ в области здравоохранения, сельского хозяйства, финтеха, банковского программного обеспечения, лазерных технологий, оптики. ПВТ стал чем-то вроде Сингапура в Зимбабве²⁷.

Результаты не замедлили сказаться. Уже в первый год нового этапа развития Парка, в 2017 г., рост экспорта составил 125 % и впервые преодолел планку в \$ 1,0 млрд. В 2018 г. — уже 138 % (\$ 1,4 млрд). И наконец, в 2019 г. экспорт ПВТ составил рекордные \$ 2 млрд 195 млн с темпом роста в 155 %. Внушительными темпами росло и количество новых компаний в ПВТ. Всего за два года с момента принятия цифрового Декрета количество резидентов Парка выросло в 5 раз и увеличилось со 192 до

²⁷ Белорусский венчурный инвестор и инициатор создания криптобиржи в ПВТ Виктор Прокопеня, сам того не представляя, очень точно сформулировал основное условие выживания острова частного предпринимательства в океане власти-собственности. «Самое главное, что делает государство, — гарантирует спокойствие и определенность ИТ-бизнесу... Государство заявляет, что ИТ — ключевое направление развития для страны, условия меняться не будут, а силовики смогут устраивать проверки только с разрешения администрации парка. Это важнее, чем льготы и простота ведения бизнеса» [Жукова 2020]. Иначе говоря, в такой общественной системе государство должно защищать частный бизнес от самого себя, от хищнического поведения собственных агентов с силовым ресурсом. Как увидим далее, эффективно крышевать бизнес в таком случае может лишь политическая воля верховного правителя. Но она же, в силу как собственной изменчивости последнего, так и изменения внешних обстоятельств, может зараз его разрушить. Короче говоря, деспот в состоянии в очень короткий, недоступный демократиям срок создать своего рода гетто, где на самых выгодных условиях будет процветать бизнес. При этом обратный процесс может быть столь же стремительным.

969. Парк высоких технологий создавал новые рабочие места. За 2017–2019 гг. ПВТ увеличил занятость более чем на 33 000 человек, и сегодня его численность составляет более 65 000 человек. Это 1,4 % от занятых в экономике Беларуси. Они производят 3,5 % ВВП [ПВТ сегодня 2021]²⁸.

ПВТ помогает развитию регионов. Благодаря правовому режиму Парка, который действует на всей территории Беларуси, резидент может быть зарегистрирован и вести свою деятельность в любой точке страны. За пределами Минска работают более 80 компаний-резидентов ПВТ и более 4000 человек. Привлекает Парк и зарубежных участников. Более 40 % резидентов ПВТ — предприятия с зарубежным капиталом. За три года (2017–2019 гг.) он привлек суммарно более \$ 700 млн иностранных инвестиций. Кроме того, в ПВТ сосредоточено 107 центров разработки международных компаний [там же].

Что движет диктатором в решении создать и развивать подобные выпадающие из логики системы предприятия? Имеющаяся к настоящему времени политико-экономическая теория поведения диктатур обобщена в двух статьях недавно изданного Оксфордского справочника по теории общественного выбора [Wintrobe 2019; Quiroz Flores 2019]. Алехандро Квироз Флорес на основании разработанной ранее Брюсом Буэно де Мескита с соавторами теории селектората [Buena de Mesquita et al. 2003] утверждает, что «автократ сохраняет власть, производя экономическую стагнацию, коррупцию, отсутствие безопасности, войну и бедность в целом» [Quiroz Flores 2019]. Рональд Уинтроуб классифицирует диктаторские режимы и, кроме того, выделяет, по его мнению, неклассифицируемые (Россия, Китай, Северная Корея и случай «арабской весны»). Относительно диктатуры Лукашенко можно сказать, что она ближе всего к путинской модели, которую Уинтроуб вслед за Клиффордом Гэдди и Барри Икесом [Gaddy, Ickes 2013] называет «системой управления рентой» (*rent management system*) [Wintrobe 2019]. Только, в отличие от Владимира Путина, Лукашенко — ее вторичный распорядитель: в своей абсолютно преобладающей части она состоит из той, что ему передает Россия (см. ниже раздел «России “братская любовь”»). Таким образом он является весьма зависимым агентом-получателем того, что можно назвать передаточной рентой.

²⁸ В целом же доля высоких технологий в ВВП страны достигла 6,5 %. Согласно заявлению министра экономики Беларуси, это на уровне вклада сельского хозяйства или транспорта. В России продукция отраслей высоких технологий колеблется в районе чуть выше 5 % ВВП [Жукова 2020].

Само собой разумеется, что такое положение вещей Лукашенко не очень устраивало, поскольку создавало (и до сих пор создает) уязвимость его личного правления. И в этом плане права автор журнала *Forbes*, которая вынесла в заголовок статьи о ПВТ словосочетание «код независимости» [Жукова 2020]. Понятно, что о независимости говорить слишком еще рано, да и события 2020 г. сильно повредили прогрессу в этом направлении, но тем не менее с Парком белорусский президент все-таки чувствовал себя до последних выборов несколько уверенней, чем в случае отсутствия такового.

Далее, надо помнить, что Беларусь, как и Россия, неопатримониальное государство²⁹. И верховный властитель выступает в роли хозяина всего, что располагается на территории страны. А для какого хозяина страны в наше время самый передовой по мировым меркам научно-технический центр не является предметом собственной гордости? Тем более что в рассматриваемом случае куда более могущественный сосед не может похвастаться таковым (проект «Сколково» можно считать неудачей). Этот мотив диктаторов нельзя недооценивать. «Для автократа “быть не хуже людей” означает не уступать другим королям и диктаторам, а это зачастую подразумевает не только баснословно дорогие престижные проекты» [Олсон 2012: 41].

И наконец, у Лукашенко присутствовал еще один властно-корыстный мотив, который он сам раскрыл, посещая ПВТ в 2019 г.:

Двенадцатого апреля 2019 года Лукашенко приехал в Парк высоких технологий, чтобы ознакомиться с последними достижениями. Представитель недавно открытой криптобиржи с радостью рассказал президенту об успехах: «Сорок тысяч клиентов в очереди, через этот инструмент можно приводить в страну деньги из мира, там море денег!» — «Живые доллары и евро? — уточнил президент и, получив утвердительный ответ, продолжил: — Я в этом кровно заинтересован. Мы страна, не избалованная углеводородами, я это понимал, надо было уходить в другую сферу, чтобы обеспечить независимость. Захотели вы криптобиржу, майнинги, прочие фермы... Подождите, атомную станцию введем, излишек электроэнергии я там оставил. Построим фермы и будем майнить эти биткойны и продавать будем». Лукашенко пообещал взять «айтишников» под личную опеку: «Я вас поддерживал и буду поддерживать. По сути, вы дети мои» [Жукова 2020].

²⁹ «В таких государствах политическая власть мыслится и отправляется как продолжение права собственности, и властитель (властители) является одновременно и сувереном государства, и его собственником» [Пайпс 1993: 11].

Судя по пафосной риторике, президент Беларуси уже видел себя поводителем биткойнов, делающим огромные деньги практически из ничего. И возможно, полученная в Парке уверенность позволила ему отвергнуть гипотетические планы России по реальной инкорпорации Беларуси в Союзное государство. В быстром и успешном старте этого проекта Россия в 2019 г. крайне нуждалась, поскольку тогда можно было бы гораздо более гладко и логично провести необходимые изменения (новое государство — новая конституция) и второй раз после Крыма поднять в народе волну имперского шовинизма по поводу «собирания земель».

На фоне выдающихся успехов ПВТ особо неприглядно выглядят провалы белорусских государственных предприятий. «Наращивание инвестиций в “модернизацию”, создание холдингов, присоединение хронически убыточных предприятий к более эффективным, усиление ответственности директоров госпредприятий за невыполнение целевых показателей, постоянная реструктуризация задолженности в надежде на улучшение рыночной конъюнктуры не оправдали себя — несмотря на все эти меры, роль государственных коммерческих предприятий в экономике непрерывно снижалась. Сектор госпредприятий теряет занятость, а отдача на вложенный капитал падает последние десять лет» [Данейко, Чубрик, Гайдук и др. 2020]. Это — закономерный итог квазипланового хозяйства, которое, несмотря ни на что, как было показано выше, все еще присутствует в стране, поражая своей экономической бессмысленностью. По всей видимости, абсурдное с позиции рациональных экономических соображений, оно есть инструмент политического контроля за хозяйственной элитой, представители которой всегда могут быть смещены со своих постов под предлогом невыполнения плана.

Политические выигрыши режиму дают и слабые финансовые позиции госпредприятий. Их работники оказываются в постоянной зависимости от решений о выделении государственных средств на выплату зарплаты и ощущают непреходящую угрозу массовых увольнений. Обратим внимание на оценку положения промышленных предприятий Романчуком еще до развертывания бурных событий 2020 г. В апреле он писал: «В красной зоне риска (самой высокой) сегодня находятся убыточные промышленные предприятия и предприятия с рентабельностью до 5 %. Таких на начало весны-2020 ~67 % промышленных предприятий. В промышленности занято ~870 тысяч человек. Без реальной работы (пусть даже формально они будут числиться занятыми) к середине

2020 года может остаться как минимум 300–350 тысяч человек» [Романчук 2020а].

Политическая ставка на зависимость оправдала себя. Октябрьский ультиматум Светланы Тихановской (неформальной главы государства в изгнании) не сработал: Лукашенко 26 октября никуда не ушел, а массовые забастовки, которые должны были бы быть ответом на игнорирование политическим режимом ультиматума, по сути, не состоялись. На крупных государственных предприятиях наблюдались попытки их организации, но в широкое забастовочное движение они не переросли. Любопытно отметить, что призыв к национальной забастовке активнее поддержал малый бизнес: десятки кафе, баров и ресторанов заявили, что у них 26 октября «технический перерыв» или «санитарный день» [Полякова и др. 2020].

Если работники госпредприятий не доставили больших хлопот режиму, то с ПВТ с самого начала все пошло не так, как хотелось бы властям. Во-первых, действующему президенту Беларуси бросил вызов на президентских выборах 2020 г. не кто иной, как первый и многолетний его директор (2005–2017 гг.) Валерий Цепкало. Факт его покушения на несогласованную регистрацию можно оценить в качестве начального признака раскола элит: несостоявшийся кандидат в президенты — бывший первый заместитель министра иностранных дел и посол Беларуси в США (1997–2002 гг.)³⁰.

Сотрудники ПВТ активно включились в деятельность по сопротивлению режиму Лукашенко после президентских выборов, вызвавших широкое непризнание их результатов и массовые демонстрации на протяжении длительного времени³¹. Большую известность получил случай с арестом четверых сотрудников американской фирмы PandaDoc — участника ПВТ — по обвинению в «хищении бюджетных средств». Реальной причиной стала, скорее всего, инициация компанией финансирования поддержки уволившихся белорусских силовиков. Эту акцию начал находящийся за рубежом глава фирмы — Микита Микадо, а арестован-

³⁰ В пользу этого свидетельствует и стремление зарегистрироваться в качестве кандидата в президенты Виктора Бабарико — председателя правления «Белгазпромбанка», владение которым делят российские ПАО «Газпром» и АО «Газпромбанк».

³¹ Сайт белорусского ИТ-сообщества dev.by провел опрос 3400 ИТ-специалистов в сентябре 2020 г. Почти 50 % ответили, что помогают финансово пострадавшим, 9 % стали волонтерами. Аполитичных среди опрошенных (тех, кого все устраивает) было лишь 7,5 % [2 % бастуют... 2020].

ные сотрудники участия в ней не принимали. Он оценил это как взятие заложников и предрек уход ИТ-фирм из Беларуси [Крутов 2020]. Предвидение во многом оправдалось.

В январе 2021 г. почти 15 % ИТ-специалистов ответили, что уже работают за границей. Более 40 % не хотят работать в стране и собираются на ПМЖ или в длительную командировку. Самые популярные варианты — Польша, Украина, Литва. Работать в Беларуси готовы только 36 %. Ключевой причиной переезда абсолютное большинство респондентов (84 %) считает угрозу жизни и безопасности своей семьи; 64 % называют дальнейшее ухудшение условий работы из-за изменений законодательства³² [Кожемякин 2021a]. Более 40 % специалистов заявили, что их компании планируют полный или частичный переезд. Больше 50 % айтишников утверждают, что их компании рассматривают для релокейта Украину или Польшу; Литва — на третьем месте [Кожемякин 2021b].

Будет ли этот релокейт означать серьезные финансовые потери? С одной стороны, за 2020 г. один резидент ПВТ принес в бюджет в среднем 434,5 тыс. руб. (\$ 178,4 тыс.) В 2019 г. налоговые поступления в рублях были чуть ниже — 422,8 тыс. руб. (\$ 202,2 тыс.). С другой стороны, даже в Минске, где зарегистрированы 90 % резидентов ПВТ, поступления от них в 2020 г. составили лишь 2,86 % поступлений в бюджет региона [Кожемякин 2021c]. Впрочем, предназначение ИТ-бизнеса не сводится к обеспечению налоговых платежей — оно прежде всего в разработке новых продуктов и технологий, которые оперативно внедряются практически во все сектора национальной экономики. Уход его из страны будет означать не только заметный репутационный ущерб стране в качестве площадки для инвестиций в хай-тек, но и общее торможение ее развития на базе новейших достижений в области информационных технологий.

³² С 2021 г. власти страны срочно ликвидировали льготу по подоходному налогу для айтишников: теперь они будут платить 13 %, как все, а не 9 %, как раньше. Романчук высказал по этому поводу следующее суждение: «Все же понимают, что ставку подоходного налога увеличили на 4 п. п., или на 44 %, не для того, чтобы справиться с ковидной бедой. Это часть наказания ИТ-сектору за его гражданскую позицию» [«Хороший повод»... 2021]. 5–17 января на сайте dev.by был опубликован опрос, в нем приняли участие 250 руководителей ИТ-компаний (почти все компании численностью до 500 человек, 85 % — резиденты ПВТ). 70 % опрошенных респондентов ожидают ухудшения условий для ИТ-бизнеса в Беларуси, в том числе дальнейшее повышение налогов [70 % руководителей... 2021].

Очевидно, что айтишники в массе своей выбирают стратегию «выхода» в игре с белорусским государством. При этом доля желающих и далее протестовать снижается: с 43 % в сентябре 2020 г. до 20 % в январе 2021 г. [Кожемякин 2021а]. «Голосование ногами» — промежуточная линия поведения, и в целом, несмотря на экономические потери, оно должно власть устраивать. Поскольку, «когда ни избирательный бюллетень, ни “ноги” более не могут быть достаточными средствами волеизъявления, всегда есть “ружье председателя Мао”» [Мюллер 2007: 266]. В современном мире айтишникам не нужно «ружье» в буквальном смысле слова — они располагают куда более мощным оружием в виде большого разрушительного потенциала разного рода кибервойн. Поэтому введенный осенью 2020 г. запрет на выезд через наземные пункты пропуска (разумеется, под предлогом борьбы с пандемией) направлен не на борьбу с миграцией как таковой, а, скорее, с возможностью активистов уезжать и возвращаться [Тамарченко 2020].

Конфликт ПВТ с белорусской властью следует рассматривать не только в контексте протестов и резкого обострения политической обстановки во второй половине 2020 г. Они явились его катализаторами, но не причиной. По своей природе это конфликт независимых собственников с властью-собственностью. Рано или поздно он должен был произойти. Чем больше были бы успехи в развитии ИТ-сектора, чем больше становился бы его вес и значение в экономике страны, тем все более серьезную опасность он представлял бы для неопатримониального государства как неподвластный ему ресурс. От него самим фактом существования на альтернативных принципах исходила бы угроза и традиционным сферам экономики. Он все нагляднее демонстрировал бы экономические преимущества частного, открытого миру бизнеса, и это создавало бы институциональное давление на эти сферы: от них требовалось бы принять новые условия игры, коренным образом трансформировав свои отношения с государством. А это не устраивало бы ни государство, ибо распадались бы обеспечивающие контроль за хозяйственными единицами властнособственнические отношения, ни менеджмент традиционного сектора, который органически встроены в эти отношения всем своим социальным капиталом и извлекает из них немалую выгоду. Да и рядовой состав этого сектора очень опасался бы потери работы, и опасения эти были бы совсем не напрасны (см. приведенные выше слова Романчука о положении дел в промышленности). Таким образом, рыночное реформирование белорусской экономики ставит во весь рост не только вопрос о власти, но и вопрос об элементарном выживании большей ее части. Вряд ли сотни тысяч уволенных с промышлен-

ных предприятий станут создателями программных продуктов. Останется вслед за айтишниками уповать на эмиграцию.

В то же время, несмотря на то что свободное рыночное хозяйство ампутирует огромную часть экономики просто по причине неспособности ее субъектов продолжать вести крупномасштабное производство в условиях конкуренции и жестких бюджетных ограничений, настроения людей в Беларуси в последние годы весьма благожелательны по отношению к рынку. Об этом свидетельствует, например, Индекс свободнорыночной ментальности (*Free market mentality index*), позволяющий сравнить Беларусь с другими странами и регионами. «Глобальная поддержка свободных рынков непрерывно падает с 1990-х гг. Имела место стабильная понижающаяся тенденция, затрагивающая большинство стран и все кластеры» [Czeglédi, Newland 2018]. В результате в мире этот Индекс сократился с периода 1990–1998 гг. до периода 2005–2014 гг. на 0,26 пункта — с 0,64 до 0,48³³.

В так называемой англосфере (Австралия, Канада, Великобритания, Новая Зеландия, США) он снизился на 0,14 пункта (с 0,78 до 0,64), Северной Европе — на 0,22 пункта (с 0,80 до 0,58), синосфере (Китай, Япония, Южная Корея, Тайвань) — на 0,10 пункта (с 0,62 до 0,52), Южной Европе (Франция, Италия, Испания) — на 0,13 пункта (с 0,59 до 0,46), Латинской Америке (Аргентина, Бразилия, Чили, Мексика, Перу, Уругвай) — на 0,16 пункта (с 0,59 до 0,43), Восточной Европе (Беларусь, Болгария, Эстония, Венгрия, Молдова, Польша, Румыния, Россия, Словения, Украина) — на 0,17 пункта (с 0,57 до 0,40), Центральной/Южной Азии (Армения, Азербайджан, Индия, Грузия) — на 0,12 пункта (с 0,56 до 0,44) и прочих странах (Нигерия, Филиппины, Южно-Африканская Республика, Турция) — на 0,22 пункта (с 0,61 до 0,39). На таком фоне снижение данного Индекса в Беларуси крайне незначительно — лишь на 0,03 пункта (с 0,54 до 0,51) [Ibid.]. В этом случае нельзя утверждать, что Беларусь идет против мирового тренда, но следует она ему в минимальной мере.

Однако в этом исследовании последние данные, как указано выше, относятся к периоду 2005–2014 гг. С тех пор массовое восприятие рынка в Беларуси явно улучшилось. В одном из исследований ценностей сравнивается отношение населения к рыночной экономике в 2008 и 2018 гг. (табл. 7). В сумме доля людей, разделяющих ценности рыночной экономики, в 2018 г. составляла 46,8 % против 35,8 % в 2008 г. [Урбан 2019].

³³ Высшее значение Индекса — 1,00.

Таблица 7. Сторонники рыночной и плановой экономики (%)

	Последовательные рыночники	Сторонники частичных реформ	Неопределившиеся	Последовательные социалисты
2008	12,4	23,4	32,8	31,4
2018	27,5	19,3	26,0	27,3

Источник: [Урбан 2019].

Немаловажно, что рыночную экономику поддерживает молодежь. Если взять распределение на обозначенные в *табл. 7* категории ответов респондентов по возрастам, то в интервале 18–29 лет последовательных рыночников — 30 %, сторонников частичных реформ — 22,7 %, неопределившихся — 31,9 %, последовательных социалистов — 15,4 %. Для людей в возрасте 30–44 лет аналогичное распределение выглядит следующим образом: 25,1 %, 27,0 %, 26,2 % и 21,7 % соответственно. Заметное уменьшение доли рыночников наблюдается в возрастной категории 45–60 лет: 18,6 %, 20,2 %, 30,6 % и 30,6 %. И хуже всего к рынку относятся люди в возрасте старше 61 года: 16,4 %, 16,4 %, 30,8 % и 36,5 % [там же]. В последней возрастной когорте доля последовательных социалистов почти в 2,3 раза больше доли последовательных рыночников.

Обратим внимание не только на обобщенную оценку, но и на отдельные ответы респондентов в этом обследовании. Сторонники рыночного подхода преобладают в таких областях реформирования, как рынок труда (50,8 % против 31,8 % сторонников государственного регулирования) и, что особенно интересно, в области управления и реструктуризации предприятий (49,8 % против 30,8 %). Преимущество рыночников видно во внешней торговле и валютной системе (49,2 % против 32,7 %) и малой приватизации (41,4 % против 39,2 %). В оставшихся шести сферах доминируют сторонники госрегулирования: содействие конкуренции (41,8 % против 40,6 %), банковская система и процентные ставки (45,7 % против 36,7 %), рынки ценных бумаг и небанковские финансовые институты (38,6 % против 36,4 %), либерализация цен (52,0 % против 32,2 %), собственность на землю (47,2 % против 30,2 %), инфраструктура (53,8 % против 26,8 %) и крупная приватизация (57,0 % против 23,5 %) [там же]. Эти цифры показывают, что, несмотря на преобладание последовательных рыночников в целом, в отдельных областях большая часть населения не видит пользы в рыночной либерализации.

Довольно странно видеть сильное неприятие либерализации цен и собственности на землю.

В том, что касается предпочтений государственного патернализма, то они не доминируют. Напротив, низким уровнем патернализма характеризуются 61,3 % населения, умеренным — 24,7 %, высоким — 5,5 %. Опять же, уровень патернализма различается по возрастным группам, но здесь контраст не столь велик, как в случае деления на рыночников и социалистов: в возрастной группе 30–44 лет наблюдается самое большое неприятие патернализма: у 11,7 % патернализм отсутствует, низкий он у 63,7 %, умеренный — у 20,2 % и высокий — у 2,6 % респондентов. Аналогичные цифры у возрастной группы старше 61 года: 8,8 %, 57,9 %, 26,4 % и 11,9 %. Для незначительного уровня патернализма характерно, например, что при ответе на вопрос «Что должно делать государство?» первое место занял вариант «Дать возможность зарабатывать», и уж на втором месте вариант «Обеспечивать льготы, пособия». Тезис «Лучше работать на государственном предприятии, чем на частном» разделяют 21,3 % респондентов, а «Лучше, чтобы белорусские предприятия зарабатывали не очень большие прибыли, но не были скуплены иностранцами» — лишь 18,6 % [там же].

Самые последние исследования демонстрируют изменения общественных предпочтений в динамике. Обследования в ходе 7-й волны программы «Всемирный обзор ценностей» показали, что общественное мнение белорусов меняется в направлении, противоположном мировому: ценности, поддерживающие рыночную экономику, не отторгаются, а, напротив, становятся им все ближе.

Резко снизилась доля патерналистских настроений в пользу личной ответственности: количество тех, кто считает, что люди должны брать ответственность в свои руки, увеличилось по сравнению с предыдущей волной обследований (2010–2014 гг.) почти в четыре раза. Стоит также взглянуть на отношение к конкуренции и неравенству доходов. За последние десять лет произошел явный сдвиг в сторону веры в то, что конкуренция — это хорошо. Число тех, кто решительно поддерживает это убеждение, увеличилось с 30 % до 51 %. Решительных сторонников тезиса о том, что неравенство доходов — это положительное явление, гораздо меньше, чем твердых сторонников конкуренции. Но и здесь динамика очень четкая: в начале десятилетия только 8 % были склонны поддерживать философию развития через неравенство. По итогам десятилетия их было почти втрое больше: 23 %. Со всеми этими сдвигами тесно связан и рост сторонников частной собственности. Процент тех,

кто указал на свою приверженность расширению частного сектора оценками 10 или 9 (по десятибалльной шкале), увеличился с 18 % до 22 %. В то же время количество решительных сторонников госимущества, хотя и незначительно, уменьшилось [Как за 10 лет... 2020].

Этот сдвиг в общественном мнении в пользу рыночных начал может быть связан с изменениями в производственной и институциональной структуре экономики. Что касается первой, то тут можно привести реализованный недавно проект оценки белорусской экономики на основе показателя экономической добавленной стоимости (Economic Value Added — EVA)³⁴. В 2019 г. на первое место по этому показателю вышли информация и связь (с 11-го места в 2011 г.), на втором месте — производство химических продуктов, на третьем — производство продуктов питания, напитков и табачных изделий. Лидер 2018 г. — транспортная деятельность и складирование — оказался в 2019 г. на четвертом месте. Но в 2012 г. отрасль занимала 25-е место. Вперед выходят преимущественно рыночные сектора. В то же время «Сельское, лесное и рыбное хозяйство» и «Производство транспортных средств и оборудования» входили в 2019 г. в топ-5 самых инвестируемых отраслей. По показателю же EVA они заняли 16-е и 21-е места соответственно [Эффективность экономики... 2020]. Не имея возможности судить о EVA, население, видимо, интуитивно осознаёт, что эпоха МАЗов и БелАЗов завершается.

Относительно институциональной структуры экономики проще всего судить, наблюдая за изменениями занятости по формам собственности. Если в 2012 г. на государственных коммерческих предприятиях было занято 37,2 % работающих, в бюджетном секторе — 25,0 %, на частных и иностранных предприятиях — 37,8 %, то в 2019 г. доля бюджетников почти не изменилась (25,8 %), зато доля занятых на государственных коммерческих предприятиях снизилась до 29,5 %, а доля занятых на частных и иностранных предприятиях выросла до 44,7 % [Данейко, Чубрик, Гайдук и др. 2020].

³⁴ EVA оценивает, какая стоимость была добавлена к заинвестированному капиталу. Для частного сектора показатель EVA тем выше, чем больше чистая прибыль и выше дивиденды компаний. Отрицательный EVA означает, что либо а) стоимость капитала выше, чем рентабельность (фирма в настоящее время зарабатывает меньше, чем ожидалось, учитывая стоимость ее капитала); б) капитал направлялся на некупаемые проекты. EVA есть разница между чистой операционной прибылью и рыночной стоимостью заинвестированного капитала [Эффективность экономики... 2020].

В целом и структурные сдвиги в самой экономике, и сопутствующий им прогресс в общественных настроениях вроде бы способствуют радикальным прорыночным экономическим реформам, которые не были проведены в начале 90-х гг. прошлого века. И не случайно на том же сайте CASE Belarus известные реформаторы (Иван Миклош, Красев Станчев, Лешек Бальцерович, Тимофей Милованов) предлагают свои рецепты будущих экономических преобразований [Reformers from... 2021]. Выложено в глобальной сети и письмо, подписанное более чем 60 авторитетными экономистами, в котором они заявляют о «готовности предоставить экспертную помощь в разработке программы экономических реформ в Беларуси, которые позволят обеспечить развитие страны и рост благосостояния ее граждан» [Открытое письмо... 2020].

На самом деле нет более скучного и тривиального занятия, чем обсуждать содержательно экономические реформы в постсоциалистической стране, сильно задержавшейся с их проведением. Все давным-давно уже известно и тысячи раз опробовано. При этом, выслушав (или почитав) уважаемых экономистов, всегда хочется, во-первых, согласиться с ними, а во-вторых, задать им вопрос из известного анекдота: «Съест-то он все это, конечно, съест, но кто ему все это даст?» Скоро убедимся, что он звучит особенно актуально в отношении Беларуси.

Единственным, пожалуй, отличием от конца 80-х — начала 90-х гг. XX в. в такого рода программах является подчеркивание в них важности правового государства: в частности, в вышеупомянутом письме указывается на необходимость независимости судебной системы от других ветвей власти [там же]. Кстати, и в нем можно и нужно было бы больше внимания уделить первостепенной важности верховенства права и, главное, разделению власти и собственности. Беларусь для успешного перехода к рыночной экономике должна вырваться из силовой цивилизации и сделать движение на Запад определяющим вектором своего развития. Однако оппозиция не спешит с такого рода заявлениями. По всей видимости, с одной стороны, сказывается нежелание провоцировать Россию, а с другой — и белорусское население не видит в вестернизации своего будущего. Это не Литва начала 1990-х гг. и даже не Украина 2014 г. В этом — главная слабость белорусского сопротивления. Объективно говоря, оно имеет мало шансов вывести страну из неформального статуса протектората России, следовательно, и на проведение реформ, которые создадут чуждую российскому политико-экономическому организму среду свободной рыночной экономики.

России «братская любовь»

Беларусь — самый дотационный регион России. Эта фраза ничуть не преувеличение. По абсолютному объему разного рода трансфертов из России она обгоняет любой из российских субъектов Федерации. Не будем вдаваться в подробности различных передаточных схем, а остановимся лишь на результатах. По расследованию, проведенному интернет-изданием «Открытые медиа», суммарные потери России за 25 лет субсидирования режима Лукашенко составляют как минимум \$ 98,7 млрд. Так как у доллара в 1995 г. и доллара в 2019 г. разные покупательные возможности, то при переводе суммы потерь за все годы в валюту 2019 г. получается \$ 116,1 млрд [Терентьев 2020]³⁵.

Это не полная сумма. Подсчитаны лишь потери от экспорта в Беларусь нефти и газа, списанных долгов и контрабанды сигарет. О нефти и газе писали много³⁶. Обратим внимание на сигареты. По мнению участников табачного рынка, в 2019 г. ущерб от ввоза нелегальных сигарет в Россию вырос до 100 млрд руб. (стоимость дворца в Геленджике, по оценке ФБК Алексея Навального). По расчетам «Открытых медиа», за пять лет действия серой схемы потери российского бюджета от нелегальных белорусских сигарет оцениваются как минимум в \$ 1,55 млрд. Есть и другие потери, не учтенные в итоговой цифре. Бывший министр сельского хозяйства Александр Ткачев оценивал потери сахарной промышленности России от реэкспорта сахара Беларусью и Казахстаном только в 2017 г. в 70–80 млрд руб. [там же].

С чем можно сравнить цифру 116 млрд? В Беларуси — семь областей, включая Минск — отдельную административную единицу. Бюджет семи ближайших к белорусской границе российских регионов (Брянская, Калужская, Курская, Новгородская, Псковская, Смоленская и Тверская области) составил за 20 лет \$ 132,7 млрд. Если бы Россия, к примеру, направила потерянные на поддержке режима Лукашенко миллиарды на развитие этих регионов, то их бюджет увеличился бы на 84 % [там же].

³⁵ По другим оценкам, \$ 109 млрд за 20 лет [Титова 2021].

³⁶ Например, была проведена оценка энергетических субсидий Беларуси за 2000–2017 гг. На своих пиках (в 2000 и 2006 гг.) они достигали почти 20 % ВВП, минимальными они были в 2010 г. (4,4 %) и в 2016 г. (2,1 %). В 2017 г. они составили 4,5 % ВВП [Macroeconomic Update... 2018].

Эти миллиарды и создают «экономическое чудо» белорусского квазисоциализма. Одна часть экономики страны, как отмечалось выше, нежизнеспособна и выживает главным образом посредством государственной поддержки. Последняя, в свою очередь, во многом формируется благодаря российским трансфертам³⁷. За счет России Лукашенко создал систему финансирования тех, кого Романчук называет «номенклатурно-силовыми фаворитами» [Романчук 2020б]. Речь идет не только о силовиках, но прежде всего о таких персонажах, которых в России в 90-е гг. XX в. именовали «красными директорами». В Беларуси они воспроизводятся. Эту социальную группу можно назвать «выигрышной коалицией» Лукашенко, которой регулярно передаются частные блага под видом общественных нужд.

В теории селектората последнее объясняет долгосрочность «плохого правления» диктатора: если смена правительства в демократиях означает не так много потерь в плане снабжения общественными благами членов широких коалиций, то переживаются эти смены относительно легко. Никто не бьется насмерть за власть. Ее легко уступают и легко возвращают. В то время как узкие выигрышающие коалиции в диктаторских режимах снабжаются частными благами и смена диктатора на представительное правление означает для них невосполнимую потерю. Прорвавшийся во власть политический соперник лишит их синекуры навсегда. Отсюда они демонстрируют высокую степень лояльности лидеру, что помогает тому долго держать власть [Buena de Mesquita et al. 2003]. В итоге имеем следующую логическую цепочку: российские трансферты → раздача частных благ выигрышной коалиции → лояльность коалиции верховному правителю → удержание правителя во власти.

Теперь остается выяснить, в чем интерес России, зачем она взяла на содержание целую страну? Во-первых, для начала заметим, что это далеко не единственный случай. Общие расходы на поддержку зарубежных стран в рамках выбранной геополитики составили за 20 лет \$ 271 млрд. Например, на Украину до 2014 г. ушло \$ 103 млрд [Титова 2021]. Во-вторых, несложно увидеть, что поддержка оказывается «социально

³⁷ Исследователи подчеркивают вклад этих трансфертов («ренды лояльности») в замораживание рыночных реформ [Dobrinisky, Adarov, Bornukova et al. 2016]. Они играют такую же роль, как нефтегазовая рента при высокой конъюнктуре: устраняют всякую необходимость реформ. Зачем работать и преодолевать трудности, когда деньги и сами так в руки идут. По сути, это есть разновидность знаменитого «ресурсного проклятия».

близким» — тем странам и территориям, где установились похожие на российскую политико-экономические модели. Данное обстоятельство и раскрывает ее смысл: это вроде как инвестиции в продолжение самой России за ее пределами — на территориях, отделенных от нее какими-то формальными границами. Они тем не менее зоны ее контроля; форпосты, де-факто во многом управляемые ею. В-третьих, выход институтов силовой цивилизации за границы России вносит существенный вклад в легитимацию социального порядка внутри нее самой: мы не одиноки в мире с нашим общественным порядком и вместе с подобными нам противостояем единым фронтом чуждой цивилизации Запада. В-четвертых, как следствие из всего вышесказанного, покушения на глубокое реформирование таких «социально близких» стран в направлении правового государства и свободной рыночной экономики, разрыв пут власти-собственности трактуются не как внутреннее дело, а как внешняя угроза («происки Запада»), как институциональная агрессия против самой России. И в-пятых, успех таких реформ рассматривается как поражение в войне с потерей территории. Реакция России на украинское продвижение в направлении вестернизации в полной мере укладывается в логику приведенных последних двух тезисов³⁸.

Развод Литвы с СССР эпохи правления Горбачева проходил не бесконфликтно (захват литовского телевидения в январе 1991 г., нападение на таможенный пункт под Мядининкаем в июле того же года), но в условиях раскола российских элит (достаточно вспомнить визит председателя Верховного Совета РСФСР Бориса Ельцина в Таллинн в январе 1991 г. с демонстративной поддержкой независимости Эстонии, Латвии и Литвы) он оказался возможным. При этом не надо забывать, что политическая власть в Балтийских республиках бывшего СССР в результате проведенных почти свободных выборов находилась в 1991 г. в руках сторонников их государственного суверенитета.

Современное положение Беларуси как российского протектората ближе к положению восточноевропейских стран в эпоху СССР. Президент Лукашенко на данном этапе сохранил власть и вряд ли развернет

³⁸ В этом плане весьма интересен аналитический доклад Службы внешней разведки Украины (так называемая «Белая книга»). В нем присутствует понимание того, что главная претензия России к Украине — не территориальный вопрос, а проводимая ею политика вестернизации и отвечающие ей преобразования. «Само существование независимой, унитарной и западно-ориентированной (курсив мой. — А. З.) Украины представляет угрозу для режима Путина» [Служба внешней разведки... 2021].

программу экономических реформ. Он уже столкнулся с «неблагодарным» ПВД, где фирмам была предоставлена экономическая свобода. Россия не может сделать ставку на отстранение Лукашенко от власти, поскольку вслед за этим последует череда неконтролируемых и нежелательных для нее событий. В настоящее время Беларусь порционно получает кредит в размере \$ 1,5 млрд, заключен договор о сотрудничестве между белорусским МВД и Росгвардией, телевидение страны насыщается российскими пропагандистами. Проведенное 11-12 февраля 2021 г. Всебелорусское народное собрание с отобранными президентской администрацией «народными представителями» четко обозначило артикулированное Лукашенко стремление пожизненно закрепить за собой власть с опорой на дальнейшую поддержку Россией (сформулированные им «условия ухода» означают на деле именно это). При этом прикрываясь декорацией со сменой Конституции страны [Доклад Президента..., 2021].

Оппозиция не продвинулась пока к реальной власти ни на шаг. На территории самой Беларуси ни Координационный совет, ни какие-либо прочие ее организации не действуют. Рассматривая варианты будущего развития событий (среди них есть абсолютно фантастические), советник Тихановской Александр Добровольский допускает, что у «России хватит ресурсов на содержание режима на довольно долгое время» [Добровольский 2020]. Разработанная недавно «Стратегия победы белорусов» [Стратегия победы белорусов, 2021] подвергается критической оценке ряда оппозиционных интеллектуалов (Владимир Мацкевич, Ольга Карач, Евгений Прейгерман) за избыточный оптимизм и предположение о готовности Лукашенко пойти на переговоры (он не выражал ее и в гораздо более худшей для него ситуации конца лета-начала осени 2020 г.) [Стратегия победы белорусской..., 2021]. Власть не видит той силы, которая вынуждает ее идти на уступки, не считает оппозицию субъектом переговорного процесса. И со своей позиции она права: государство контролирует ситуацию, которая и близко не напоминает двоевластия.

Белорусская оппозиция формулирует программу действий так, как будто России не существует и она имеет дело только с Лукашенко. Последний же недвусмысленно подчеркивает неразрывную с ней связь³⁹. Возможно, Лукашенко придется уступить России контроль над наиболее привлекательными предприятиями, работающими на экспорт («Бела-

³⁹ «Основным экономическим партнером и стратегическим союзником была и будет наша Россия» [Доклад Президента..., 2021].

руськалий», «Гродно-Азот») [Россия для усиления... 2020]. Оппозиция надеется дестабилизировать ситуацию через западные санкции — и в первую очередь путем отключения Беларуси от системы SWIFT. Однако Запад опасается, что в таком случае банковская система страны войдет в созданную Россией на случай изоляции СПФС (Система передачи финансовых сообщений) Банка России [Галко 2020].

Но главная проблема белорусской оппозиции в том, что она не может мобилизовать массы под лозунгом национального освобождения, что было очень легко сделать в странах Балтии. Проведенный в начале 2020 г. опрос газетой «Вашингтон пост» показал, что белорусы разделены по возрастным категориям в своих симпатиях между Западом и Россией. В возрасте от 18 до 40 лет 50,4 % хотят двигаться в сторону Запада и лишь 23,3 % — в сторону России, тогда как в возрасте старше 60 лет — только 14,7 % «западников», а 62,0 % желают сдвига в сторону России [Беляев 2020].

Возможно, «западничество» усилится после событий 2020 г. Тем не менее без смены поколений в течение ближайших 10–15 лет убеждение в том, что мы — Беларусь — Запад, а Россия — Восток, а значит, нам на Запад и не по пути с Россией, не станет доминирующим. Так что за оппозицией, скорее всего, будущее; за Лукашенко — настоящее.

К этому добавим и то, что, пока за каждым силовиком президента Беларуси стоят тени нескольких росгвардейцев, на его уход ставить не стоит. Побег Беларуси на Запад из объятий российской «братской любви» в качестве условия успешности потребует, очевидно, серьезной дестабилизации власти в самой России. Без таковой всю свою историю Российская империя (что в царском обличии, что в советском, что в нынешнем) только прирастала, но никак не распадалась.

Литература

2 % бастуют... (2020). 2 % бастуют. Как айтишники выражают гражданскую позицию — 3 часть опроса. URL: <https://dev.by/news/aitishniki-protesty-opros> (дата обращения: 01.02.2021).

70 % руководителей... (2021). 70 % руководителей ждут ухудшения условий для ИТ-бизнеса. Результаты опроса. URL: <https://dev.by/news/ceo-budet-huzhe-bicc> (дата обращения: 01.02.2021).

Архив данных... (2010). Архив данных. НИСЭПИ. URL: <http://old.iiseps.org/data10-431.html> (дата обращения: 01.02.2021).

Аузан А. (2015). «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития — эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика. № 1. С. 3–17.

Баровска П. (2017). Религия в Беларуси — от православия к протестантизму? URL: <https://thinktanks.by/publication/2017/06/06/religiya-v-belarusi-ot-pravoslaviya-k-protestantizmu.html> (дата обращения: 01.02.2021).

Беляев А. (2020). Опрос Washington Post: только 14,5 процентов белорусов устраивает нынешняя система. URL: <https://thinktanks.by/publication/2020/08/25/opros-the-washington-post-tolko-145-protsentov-belorusov-ustrai-vaet-nyneshnyaya-sistema.html> (дата обращения: 01.02.2021).

Вандея перестройки... (2016). Вандея перестройки. Власть и собственность. URL: <http://september.media/archives/193> (дата обращения: 01.02.2021).

Галко Д. (2020). Режим в отключке. URL: <https://graniru.org/Politics/World/Europe/Belarus/m.280485.html> (дата обращения: 01.02.2021).

Глава МИД... (2021). Глава МИД предложил Тихановской учредить белорусское представительство в Литве. URL: <https://www.delfi.lt/ru/news/politics/glava-mid-predlozhit-tihanovskoj-uchredit-belorusskoe-predstavitelstvo-v-litve.d?id=86185209> (дата обращения: 01.02.2021).

Голденков М. (2011). Утраченная Русь: забытая Литва, неизвестная Москва, запрещенная Беларусь. Минск: Букмастер.

Данейко П., Чубрик А., Гайдук К. и др. (2020). Трансформация сектора государственных коммерческих предприятий в Беларуси // Дискуссионный материал Исследовательского центра ИПМ PDP/20/07. BEROC Policy Paper No. 100. URL: http://beroc.by/publications/policy_papers/transformatsiya-sektora-gosudarstvennykh-kommercheskikh-predpriyatiy (дата обращения: 01.02.2021).

Декрет... (2015). Декрет Президента Республики Беларусь № 3 «О преудреждении социального иждивенчества» от 2 апреля 2015 года. URL: https://kodeksy-by.com/norm_akt/source-Президент%20РБ/type-Декрет/3-02.04.2015.htm (дата обращения: 01.02.2021).

Добровольский А. (2020). Переходный период: советник Тихановской — о том, что ждет Беларусь. URL: <https://ru.delfi.lt/opinions/comments/perehodnyj-period-sovetnik-tihanovskoj-o-tom-chto-zhdet-belarus.d?id=85906559> (дата обращения: 01.02.2021).

Доклад Президента Беларуси на VI Всебелорусском народном собрании (2021). URL: <https://president.gov.by/ru/events/shestoe-vsebelorusskoe-narodnoe-sobranie#block-after-media-scroll> (дата обращения: 14.02.2021).

Жукова К. (2020). Код независимости: Лукашенко снижает зависимость Белоруссии от России через цифровую экономику. URL: <https://www.forbes.ru/>

tehnologii/394463-kod-nezavisimosti-kak-lukashenko-snizhaet-zavisimost-belorussii-ot-rossii-cherez (дата обращения: 01.02.2021).

Заостровцев А. (2020). Полемика о модернизации: общая дорога или особые пути? СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

История России... (2017). История России XXI век. Эпоха сталинизма (1923–1953). Т. II / под ред. А. Зубова. М.: Издательство «Э».

Как за 10 лет... (2020). Как за 10 лет изменились белорусы. Результаты опросов World Values Survey. URL: <https://thinktanks.by/publication/2020/12/29/kak-za-10-let-izmenilis-belorusy-rezultaty-oprosov-world-values-survey.html> (дата обращения: 01.02.2021).

Кирдина С. (2014). Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. Изд. 3-е. СПб.: Нестор-История.

Кожемякин А. (2021а). 15 % уже не в стране. Куда и почему уезжают ай-тишники. URL: <https://dev.by/news/relocate-january-2021> (дата обращения: 01.02.2021).

Кожемякин А. (2021б). Как изменились релокейт-планы компаний за 4 месяца. URL: <https://dev.by/news/relocate-company-jan2021> (дата обращения: 01.02.2021).

Кожемякин А. (2021с). +38 %. Узнали, сколько налогов заплатили за прошлый год резиденты ПВТ. URL: <https://dev.by/news/nalogi-pvt-2020> (дата обращения: 01.02.2021).

Крутов М. (2020). «Между народом и властью — лютая ненависть». Интервью с Микитой Микадо. URL: <https://www.svoboda.org/a/30823811.html> (дата обращения: 01.02.2021).

Мазоль О. (2020). Оценка бедности в Беларуси за 2019 год // BEROC Policy Paper Series. N 95. URL: <http://beroc.by/upload/iblock/07b/07bf3860961acb3a5bb7fd1f2223699.pdf> (дата обращения: 01.02.2021).

Можейко А. (2020). Больше не «батька». Как и почему нерушимое могущество Александра Лукашенко превратилось в тыкву. URL: <https://theins.ru/obshchestvo/237960> (дата обращения: 01.02.2021).

Мюллер Д. (2007). Общественный выбор III. М.: ГУ ВШЭ.

Навродский С., Олехнович А., Стычынська И. и др. (2020). 30 лет экономических преобразований в Центральной и Восточной Европе: пять ключевых уроков для Беларуси // CASE Belarus Discussion Papers. URL: https://case-belarus.eu/wp-content/uploads/2020/01/30_years_of_economic_transformation_in_cee_key_five_lessons_for_belarus_rus.pdf (дата обращения: 01.02.2021).

Налог... (2020). Налог на тунейадство. 16 июня. URL: <https://myfin.by/wiki/term/nalog-na-tuneyadstvo> (дата обращения: 01.02.2021).

Национальный банк... (2021). Национальный банк Республики Беларусь. URL: <https://www.nbrb.by/statistics/rates/avgrate> (дата обращения: 01.02.2021).

Общая численность... (2020). Общая численность населения, численность населения по возрасту и полу, состоянию в браке, уровню образования, национальностям, языку источникам средств существования по Республике Беларусь. Статистический бюллетень. Минск: [б. и.].

Олсон М. (2012). Власть и процветание. Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М.: Новое издательство.

Открытое письмо... (2020). Открытое письмо экономистов к общественности Беларуси. URL: <https://www.beleconomy.com/tuneyadstvo> (дата обращения: 01.02.2021).

Пайнс Р. (1993). Россия при старом режиме. М.: Независимая газета.

Пайнс Р. (2001). Собственность и свобода. М.: Московская школа политических исследований.

Партия БНФ (2021). URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Партия_БНФ (дата обращения: 01.02.2021).

ПВТ сегодня (2021). URL: <https://www.park.by/http/about/> (дата обращения: 01.02.2021).

Погиб... (2012). Погиб каждый третий. 8 декабря. URL: <https://www.sb.by/articles/pogib-kazhdyy-tretiy> (дата обращения: 01.02.2021).

Позняк... (2021). Позняк, Зенон Станиславович. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Позняк,_Зенон_Станиславович (дата обращения: 01.02.2021).

Полякова В. и др. (2020). Забастовки на предприятиях в Белоруссии. Главное. URL: <https://www.rbc.ru/politics/26/10/2020/5f3a229a9a794720e12059af> (дата обращения: 01.02.2021).

Романчук Я. (2020а). Последствия глубокого экономического бездействия. К чему готовиться Беларуси к концу 2020 года. URL: <https://liberty-belarus.info/ekonomika-belarusi/tendentsii/item/3974-posledstviya-glubokogo-ekonomicheskogo-bezdejstviya-k-chemu-gotovitsya-belarusi-k-kontsu-2020-goda> (дата обращения: 01.02.2021).

Романчук Я. (2020б). ОМОНизация экономики. Кризис приведет к потере суверенитета Беларуси и укреплению хунты. URL: https://theins.ru/opinions/yaroslav-romanchuk/237627?utm_source=vk.com&utm_medium=social&utm_campaign=po-itogam-2020-goda-obem-toksichnyh--pro&utm_content=46149226 (дата обращения: 01.02.2021).

Романчук Я. (2013). Теория и практика провалов государства. К новой политэкономии. Минск: [б. и.].

Россия для усиления... (2020). Россия для усиления своего влияния в Беларуси нацелилась на крупные белорусские компании. URL: https://www.newsru.com/finance/21jan2021/belorus_kreml.html (дата обращения: 01.02.2021).

Служба внешней разведки... (2021). Служба внешней разведки Украины сообщила, что у Путина проблемы со здоровьем и начался «трансфер власти». URL: https://www.newsru.com/world/26jan2021/svr_ukr_rus.html (дата обращения: 01.02.2021).

Снайдер Т. (2015). Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным. К.: Дуліби.

Сообщение... (2010). Сообщение Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов об итогах выборов Президента Республики Беларусь. 24 декабря. URL: <https://web.archive.org/web/20110105105337/http://www.rec.gov.by/pdf/prb2010/soob9.pdf> (дата обращения: 01.02.2021).

СССР... (2007). СССР после распада / под ред. О. Маргания. СПб.: Экономическая школа.

Стратегия победы белорусов (2021). URL: <https://belarusvision.org> (дата обращения: 14.02.2021).

Стратегия победы белорусской оппозиции: что с ней не так? (2021). URL: https://www.delfi.lt/ru/abroad/belorussia/strategiya-pobedy-belorusskoj-oppozicii-cto-s-nej-ne-tak.d?id=86482595#cxrecs_s (дата обращения: 14.02.2021). Стратегия развития... (2018). Стратегия развития малого и среднего предпринимательства «Беларусь — страна успешного предпринимательства» на период до 2030 года. Постановление Совета министров Республики Беларусь 17.10.2018. № 743. URL: <http://www.government.by/upload/docs/filebaec29e3f635aae3.PDF> (дата обращения: 01.02.2021).

Тамарченко Е. (2020). «Режим не в силах удержать людей и решил взять страну под колпак». Политологи о закрытии выезда из Беларуси. URL: <https://theins.ru/news/237611> (дата обращения: 01.02.2021).

Терентьев И. (2020). Как Россия потеряла на поддержке режима Александра Лукашенко почти \$ 120 млрд. URL: <https://openmedia.io/investigation/kak-rossiya-poteryala-na-podderzhke-rezhima-aleksandra-lukashenko-pochti-120-mlrd/> (дата обращения: 01.02.2021).

Титов Е., Милашюс А. (2020). «У нас такой социализм, который со стороны трудно понять»: ученый-экономист о сельском хозяйстве Беларуси и колхозах // Delfi.lt. 17 декабря. URL: <https://ru.delfi.lt/news/economy/u-nas-takoj-socializm-kotoryj-so-storony-trudno-ponyat-uchenyj-ekonomist-o-selskom-hozyajstve-belarusi-i-kolhozah.d?id=86005469> (дата обращения: 01.02.2021).

Титова А. (2021). Налог на величие. Как Кремль за 20 лет потратил 46 трлн рублей на геополитические спецоперации // Новая газета. № 9. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/01/27/88901-nalog-na-velichie> (дата обращения: 01.02.2021).

Тихановская: в интернете будет альтернатива лукашенковскому «народному собранию» // Delfi.lt. 8 января. URL: <https://www.delfi.lt/ru/news/politics/tihanovskaya-v-internete-budet-alternativa-lukashenkovskomu-narodnomu-sobraniyu.d?id=86186357> (дата обращения: 01.02.2021).

Труд... (2020). Труд и занятость в Республике Беларусь. Статистический сборник. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь.

Урбан Д. (2019). Ценности населения Беларуси. Результаты национального опроса населения. Исследовательский Центр ИПИМ. URL: http://www.research.by/webroot/delivery/files/SR_19_01.pdf (дата обращения: 01.02.2021).

Хантингтон С. (2003). Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН.

«Хороший повод»... (2021). «Хороший повод». ИТ-компания будет договариваться о зарплате «грязными» // Dev.by. 11 января. URL: <https://dev.by/news/aligned-code-gross> (дата обращения: 01.02.2021).

Шахотько П.П. (2011). Динамика численности и структуры населения Беларуси // Демосков Weekly. № 469–470. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0469/analit01.php> (дата обращения: 01.02.2021).

Щербakov З. (2015). Сталинские репрессии. Запрещенная трагедия // Белорусские новости. URL: https://naviny.by/rubrics/society/2015/10/29/ic_articles_116_190155 (дата обращения: 01.02.2021).

Эффективность экономики... (2020). Эффективность экономики Беларуси и ее отраслей 10 лет назад и сейчас. Взгляд на отраслевую структуру с помощью экономической добавленной стоимости (EVA) // Policy Brief. CASE Belarus. URL: https://case-belarus.eu/wp-content/uploads/2020/10/policy_brief_sep_2020_new2.pdf (дата обращения: 01.02.2021).

Belarus Economic... (2020). Belarus Economic Update, 26 May 2020. World Bank Group. URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/602921590488924428/Belarus-economic-update-spring2020-en.pdf> (дата обращения: 01.02.2021).

Belarus... (2012). Belarus 2012. Nations in Transit 2012. URL: <https://www.refworld.org/docid/4fd5dd324b.html> (дата обращения: 01.02.2021).

Belarus... (2018). Belarus 2018. Nations in Transit 2018. URL: <https://freedomhouse.org/country/belarus/nations-transit/2018> (дата обращения: 01.02.2021).

Belarus... (2020). Belarus 2020. Nations in Transit 2020. URL: <https://freedomhouse.org/country/belarus/nations-transit/2020> (дата обращения: 01.02.2021).

Bornukova K., Shimanovich G., Chubrik A. (2017). Fiscal Incidence in Belarus: A Commitment to Equity Analysis // BEROC Working Paper Series. N 42. URL: <http://beroc.by/upload/iblock/07b/07bf3860961acb3a5bb7fdf1f2223699.pdf> (дата обращения: 01.02.2021).

Bueno de Mesquita B., Smith A., Siverson R. M., Morrow J. D. (2003). *The Logic of Political Survival*. Cambridge, M. A.: MIT Press.

Büthe T., Jacobs A.M. (2017). Letter from the Editors // *Qualitative and Multi-Method Research*. Vol. 15. N 1. P. 1.

Capoccia G. (2015). *Critical Junctures and Institutional Change // Advances in Comparative-Historical Analysis / J. Mahoney, K. Thelen (eds.)*. New York, Cambridge University Press. P. 147–179.

Capoccia G., Kelemen R. D. (2007). *The Study of Critical Junctures: Theory, Narrative, and Counterfactuals in Historical Institutionalism // World Politics*. Vol. 59. N 3. P. 341–369.

Collier D., Munk G. L. (2017). *Building Blocks and Methodological Challenges: A Framework for Studies Critical Junctures // Qualitative and Multi-Method Research*. Vol. 15. N 1. P. 2–9.

Czeglédi P., Newland C. (2018). *Measuring Global Support for Free Markets, 1990–2014 / J. Gwartney et al. (eds.)*. *Economic Freedom of the World: 2018 Edition*. Fraser Institute. URL: <https://www.fraserinstitute.org/studies/economic-freedom-of-the-world-2018-annual-report> (дата обращения: 01.02.2021).

Democracy Index (2019). Economist Intelligence Unit. URL: http://www.eiu.com/Handlers/WhitepaperHandler.ashx?fi=Democracy_Index_2019.pdf&mode=wpr&campaignid=Democracy2019 (дата обращения: 01.02.2021).

Dobrinsky R., Adarov A., Bornukova et al. (2016). *The Belarus Economy: the Challengers of Stalled Reforms*. The Vienna Institute for International Economic Studies // *Research Report 413*. November. URL: http://beroc.by/upload/iblock/482/482937c3062_e28f2b89c5cc6e556a8ff.pdf (дата обращения: 01.02.2021).

Freedom in the World (2019). Freedom House. URL: https://freedomhouse.org/sites/default/files/2020-02/Feb2019_FH_FITW_2019_Report_ForWeb-compressed.pdf (дата обращения: 01.02.2021).

Freedom in the World (2020). Freedom House. URL: https://freedomhouse.org/sites/default/files/2020-02/2020_Country_and_Territory_Ratings_and_Statures_FIW1973-2020.xlsx (дата обращения: 01.02.2021).

Gaddy C. W., Ickes B. (2013). *Bear Traps on Russia's Road to Modernization*. New York: Routledge.

Gwartney J., Lawson R., Hall J., Murphy R. (2020a). *Economic Freedom of the World: 2020 Annual Report*. Fraser Institute. URL: <https://www.fraserinstitute.org/sites/default/files/economic-freedom-of-the-world-2020.pdf> (дата обращения: 01.02.2021).

Gwartney J., Lawson R., Hall J., Murphy R. (2020b). *Economic Freedom Dataset*, published in: *Economic Freedom of the World: 2020 Annual Report*. Fraser

Institute. URL: www.fraserinstitute.org/economic-freedom/dataset (дата обращения: 01.02.2021).

International... (2021a). International Comparison Program, World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GNP.PCAP.PP.KD?locations=BY-KZ-LT-RU> (дата обращения: 01.02.2021).

International... (2021b). International Comparison Program, World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?locations=BY-RU> (дата обращения: 01.02.2021).

Lührmann A., Lindberg S. I. (2019). A Third Wave of Autocratization is Here: What Is New About It? // *Democratization*. Vol. 26. N 7. P. 1095–1113.

Macroeconomic Update... (2018). Macroeconomic Update: How Big is the Russian Energy Subsidy to Belarus. IPM Research Center. URL: <http://eng.research.by/webroot/delivery/files/english/BMF/mu2018e1.pdf> (дата обращения: 01.02.2021).

Miller T., Kim A. B., Roberts J. M. (2020). 2020 Index of Economic Freedom. Washington: The Heritage Foundation. URL: <http://www.heritage.org/index> (дата обращения: 01.02.2021).

Nations in Transit (2020). Freedom House. URL: https://freedomhouse.org/sites/default/files/2020-05/NIT_2020_FINAL_05062020.pdf (дата обращения: 01.02.2021).

Oficialiosios... (2021). Oficialiosios Statistikos Portalos. URL: <https://osp.stat.gov.lt/pagrindiniai-salies-rodikliai#M%C4%97nesinis%20bruto%20darbo%20u%C5%BEmokestis> (дата обращения: 01.02.2021).

Quiroz Flores A. (2019). Are There Really Dictatorships?: The Selectorate and Authoritarian Governance The Oxford Handbook of Public Choice / R. D. Congleton, B. Grofman, S. Voigt (eds.). Vol. 2. Oxford Handbooks Online. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780190469771.013.14.

Reformers from... (2021). Reformers from Slovakia, Bulgaria, Poland, and Ukraine tell what economic reforms are relevant for Belarus. CASE Belarus. URL: <https://case-belarus.eu/reformers-from-slovakia-bulgaria-poland-and-ukraine-tell-what-economic-reforms-are-relevant-for-belarus/> (дата обращения: 01.02.2021).

Transition Report (1999). Ten Years of Transition. European Bank for Reconstruction and Development, 1999. URL: <https://www.ebrd.com/publications/transition-report-1999-english.pdf> (дата обращения: 01.02.2021).

V-Dem (2020). V-Dem Institute. URL: https://www.v-dem.net/media/filer_public/de/39/de39af54-0bc5-4421-89ae-fb20dcc53dba/democracy_report.pdf (дата обращения: 01.02.2021).

Vásquez, I., MacMahon F. (2020). The Human Freedom Index 2020. A Global Measurement of Personal, Civil and Economic Freedom. Cato Institute and Frazer

Institute. URL: <https://www.cato.org/sites/cato.org/files/2020-12/human-freedom-index-2020.pdf> (дата обращения: 01.02.2021).

Wintrobe R. (2019). Are There Types of Dictatorship? // The Oxford Handbook of Public Choice / eds. R. D. Congleton, B. Grofman, S. Voigt. Vol. 2. Oxford Handbooks Online. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780190469771.013.13.

Андрей Заостровцев

**Беларусь:
движение против течения**

Препринт М-81/20

В авторской редакции

Корректор — Д. Капитонов

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1А

books@eu.spb.ru

Подписано в печать 20.02.21.

Формат 60x88 1/16. Тираж 20 экз.